

МАЧЕХА

ЕЛЕНА РУВИНСКАЯ

Annotation

У женщины с замысловатым именем Марианна жизнь тоже замысловатая. Муж — не совсем муж, любовник — не совсем любовник. Единственное, что в жизни просто и ясно — это любовь к падчерице Алине. Но шестнадцатилетняя девочка попадает в беду и Марианна бросается на выручку, забыв обо всем.

С моих губ сорвался протяжный стон, я попыталась выгнуться дугой в последнем порыве сладкой истомы, но не тут-то было. Юрка обмяк на мне всеми своими ста двадцатью килограммами и блаженно улыбался, тогда как я уже с трудом могла дышать.

— Черт здоровущий! — из последних сил напряглась я, делая слабые попытки сдвинуть любовника хотя бы на сантиметр.

Тут он сам проявил милосердие и перекатился на другую часть кровати, не переставая глупо улыбаться.

— Зато теперь как хорошо, да? — спросил он лукаво. — Легкость такая, как будто взлетаешь.

— Еще секунда и от меня бы остался один трафарет. — пробурчала я и, отлепив себя от простыни, прошествовала в ванную.

Тугая струя воды мощно ударила в белоснежное дно джакузи, а я, как бы невзначай, бросила взгляд в огромное зеркало, висящее над полупрозрачной стеклянной раковиной. Могу поспорить, что так поступает буквально каждая женщина, когда собирается принять душ. И ничего нет в этом зазорного, надо же время от времени убеждаться, что твое тело еще очень даже Мое было пока в порядке. Я забралась внутрь джакузи, взяла в руки души и повернула регулятор на струи, насыщенные воздушными пузырьками. Так мне больше нравилось. Эта ванная комната, как и вся квартира в целом, принадлежала Юре. Я была здесь всего лишь пятый раз, хотя встречались мы уже почти четыре месяца. Тем не менее с шикарной Юркиной сантехникой мы были уже на «ты», чего не скажешь о бытовых кухонных приборах, к которым я категорически отказывалась прикасаться. Я, конечно, не пещерный человек и комбайн на моей кухне тоже имеется, но рядом с Юркиным он казался примитивнее керосиновой лампы. Из-за этого Юрику приходилось самому готовить еду, когда мы устраивали здесь наши любовные свидания.

— Можно мне тоже? — послышалось сквозь шум льющейся на голову воды, и в дверях ванной показалась коротко подстриженная Юркина голова.

— Нет! — крикнула я, отплевываясь. — В очередь!

— Неправильная ты женщина, Марьяна. — вздохнул мой любовник и исчез.

Вообще-то, меня зовут Марианна. Такое нетипичное для маленькой русской девочки имя мне дала мама, победив в продолжительных спорах моего отца, который хотел, чтобы его дочь звали мило и просто — Настенькой. Кстати, это имя мне тоже очень нравится и я пообещала папе, что свою первую дочку обязательно назову Настей. Но так уж случилось, что мою дочь зовут Алина и ничего с этим поделать я не могла.

Давая мне имя Марианна, мама считала, что впоследствии, когда я вырасту, у меня будет право выбора. Я могу представляться как Марина, Мария или Анна. Я сделала свой выбор и представлялась новым знакомым полным именем Марианна. А вот уж они в свою очередь вертели им как хотели. Яркий тому пример — Юрик, который вспомнил, что в каком-то десятом колене у него был родственник украинец и с самого начала стал звать меня Марьяной.

Приняв душ, я завернулась в огромный махровый халат хозяина и вышла из ванной. Полы халата смешно волочились за мной по паркету, но мне было в нем очень уютно. По квартире плыл восхитительный аромат свежесваренного чая. Юра не признавал кофе в

любом исполнении, говорил, что это совершенно нерусский напиток и, вопреки логике обожал чай. Что он нашел русского в чае, для меня до сих пор загадка, и я, не сдержавшись, язвительно посоветовала ему пить по утрам квас или рассол, если уж он такой расист.

— В чайник не заглядывай, иначе аромат улетучится. Я быстро. — сказал Юрик и потрусил в ванную.

Я проводила глазами его мощную фигуру и тут же заглянула в заварной чайник, вдохнула запах и снова закрыла крышку. Не люблю, когда мне приказывают. Не то, чтобы я от этого теряла над собой контроль и начинала доказывать всем, что я тоже личность, но мне тут же хотелось нарушить всяческие запреты и приказы.

Вернулся Юра действительно быстро, пошаманил над чашками и мы, наконец, сели пить чай. Вид у моего любовника был очень даже внушительный. При своих ста с лишним килограммах рост он имел чуть меньше двух метров и состоял весь из мышц и мускулов. При этом мыслительных способностей он, как ни странно, не утратил, а наоборот был умным, воспитанным и образованным. Я никогда не страдала от заниженной самооценки, но, глядя на Юрика, регулярно задавалась вопросом — что этот обеспеченный и самодостаточный мужчина нашел во мне? Наверное, такое самокопание во вред женщине, но я довольно часто возвращалась к этой мысли.

Познакомились мы совершенно обыкновенно и совсем не романтично, с моей точки зрения. Я открыла дверь магазина, собираясь войти, но в силу своего врожденного любопытства смотрела не перед собой, а в сторону, где в луже весело купались два воробья. Юра же в это время выходил в открытую мной дверь, таща ящик шампанского, на который были навалены какие-то пакеты с продуктами. Как я впоследствии узнала, на его работе намечался небольшой междусобойчик. И тут этот слон наступил мне на ногу. Я сразу даже не поняла, что произошло, и от нестерпимой боли в ноге просто стала сползать вниз по створке двери. Юра среагировал быстро — сунул покупки в руки подоспевшего шофера и подхватил меня практически у самой земли. Он отнес свою жертву в машину, крикнул водителю: «Гони!», и через пять минут мою ногу с интересом рассматривали в травмпункте. Боль утихла, я уже пришла в себя и присоединилась к толпе любопытствующих.

— Ну, что? — прозвучал тревожный вопрос, и я обратила внимание на мужчину, задавшего его.

Дело в том, что от боли я до этого момента ничего вокруг не видела и Юрку узрела только сейчас. Он мне понравился — такой большой и встревоженный. Он действительно чем-то напоминал слоника, разве что ушами не прядал.

— Да все нормально. — осторожно покосился на него старенький доктор.

— А, там, повязку или гипс? — насторожился Юрик.

— Ничего не нужно. — махнул рукой доктор. — Думаю, что девушке уже совсем не больно.

Все уставились на меня, а я, вспомнив, что предметом обсуждения является моя собственная нога, радостно пошевелила пальцами.

— Не больно. — подтвердила я диагноз старенького доктора.

Юра смотрел с недоверием, недоумевая, почему я так легко отделалась. Он тогда еще не знал, что я по жизни живучая и выносливая, поэтому трепетно довел меня под локоток до своей машины и вежливо спросил адрес, куда меня нужно отвезти. Я немного поотнекивалась для приличия, а потом сдалась и назвала адрес. До моего дома было минут двадцать езды, так что я успела оценить по достоинству огромный джип, который был под

стать своему хозяину. Такой мягкий, уютный слоновник. Мы все познакомились. Водителя звали Саша, здоровяка — Юра, а меня, как оказалось, Марьяна.

Юрик не стал ходить вокруг да около, а напрямую спросил замужем ли я. После некоторой паузы я кивнула. Заминка произошла из-за того, что однозначно ответить на этот вопрос я не могла даже самой себе. Муж был, и даже вполне законный, но отношения у нас с ним сложились, мягко сказать, необычные. Ну не объяснять же это первому встречному мужчине, который поинтересовался моим семейным положением.

Я попросила остановить машину на углу дома, потому что окна нашей квартиры выходили к подъезду, а Алина уже, наверное, пришла из школы. Вот уж кто не должен был видеть меня с посторонним мужчиной, так это дочь. Юра не стал настаивать, чем приятно меня удивил, остановил машину, где велели, но джип не отъехал от дома до тех пор, пока я не скрылась в подъезде. Спросите, откуда я это знаю? С моим-то обостренным любопытством и не подглядеть в щелку подъездной двери!

Ровно через день Юра на джипе и без водителя поджидал меня возле соседнего дома. Распахнув дверцу прямо перед моим носом, он вывел меня из равновесия не хуже, чем в первую нашу встречу. Я шарахнулась в сторону, тут же оживив в памяти все семейные страшилки про плохих дядей, которые сажают маленьких девочек в машину и увозят неизвестно куда. Потом я вспомнила, что уже давно не маленькая девочка, а тридцатипятилетняя тетя, да к тому же узнала, наконец, Юру.

— Садитесь. — попросил он меня.

— Зачем? — задала я глупый вопрос, потому что все его чувства были написаны на широком открытом лице.

Я ему очень нравилась, он хотел меня и знал, что я чувствую примерно то же самое. «А почему бы нет?» — спросила я у себя, с трудом припомнив последний интимный момент в моей жизни, и взошла с тротуара к высокому переднему сиденью джипа. Юра тронул машину и через десять минут довольно быстрой езды я впервые оказалась в его квартире.

Тогда мне некогда было разглядывать интерьер, потому что раздеваться мы начали прямо в огромной зеркальной прихожей, а закончили на широченной кровати в спальне. Такого ошеломляющего секса у меня не было никогда, а если говорить честно, то я просто не догадывалась, что так бывает в жизни. Даже несмотря на то, что Юрик отдал всю меня примерно так же, как день назад мою ногу, я испытала настоящее блаженство. Особенно впечатлило меня то, что этот огромный человек умел быть нежным и заботливым. За четыре прошедших месяца мы занимались любовью в самых разных местах — в его джипе, на даче его родителей, в лесу на поляне, на песчаном пляже под луной, на верхней палубе небольшого катера под палящим солнцем и много еще где. Я почти влюбилась в Юру, но кое-какие особенности в наших отношениях не позволяли мне преодолеть это самое «почти».

Он знал, что зовут меня Марианна, знал, в каком доме я живу и знал мое тело до последней складочки. Я, в свою очередь, знала, что его зовут Юрий, знала его машину, его квартиру и его тело до последнего шрамика. И это все!

Конечно поначалу он пытался задавать вопросы, но когда я почти на каждый из них ответила: «Я замужем», отстал. Было видно, что обиделся, но держался молодцом. Хотя, в отместку совершенно ничего не рассказывал о себе и своей работе. Последнее мне было особенно интересно, так как по мобильнику ему звонили постоянно и чувствовалось, что он не туалетной бумагой торгует. Но, увы, не пуская Юру в свою жизнь, я вряд ли имела право

претендовать на откровенность с его стороны. Вот так мы и жили все эти четыре месяца — наслаждались любовью, проводили вместе свободные часы, а потом расходились каждый в свою жизнь, чтобы ждать там следующей встречи.

— Ты сегодня свободна? — спросил Юрик, устанавливая чашки в посудомоечную машину.

— Жаль, но мне уже пора идти. — покачала я головой. — Обещала сходить с дочерью в магазин, ей нужна новая сумка.

По челу моего возлюбленного пробежала тень. Я точно знала, что он сейчас подумал — «Если бы не твоя непонятная скрытность, поехали бы сейчас втроем в универмаг, купили девочке сумку. И не подделку из кожзаменителя, а что-нибудь стоящее». О том, что Юрка, мягко говоря, не испытывает недостатка в деньгах, я поняла давно. Да и трудно было этого не понять. Материальное благополучие моего любовника буквально лезло в глаза. Если бы я позволила, то сейчас сидела бы заваленная подарками, цветами и конфетами. Странно, но у этого потрясающего мужчины не было семьи, по крайней мере в последние несколько лет. О подружках я его не спрашивала и втайне надеялась, что на данный момент я у него единственная. В наших отношениях существовал только один способ, которым Юра мог меня побаловать — это еда. Он водил меня в дорогие рестораны и заказывал там самую дорогую еду. За последние месяцы я перепробовала, кажется, всех морских гадов со всех уголков земли. Правда при этом меня всегда мучила мысль — откуда посетителям известно, что на тарелке подают именно то, что написано в меню?

— Тогда одевайся, я подброшу тебя до дома. — прервал мои мысли Юра.

— Угу. — ответила я и отправилась в спальню.

Через пятнадцать минут мы уже сидели в машине и, как обычно, на предельно допустимой скорости ехали в сторону моего дома.

Алина встретила меня в прихожей, наверное, увидела в окно, как я подхожу к подъезду. Улыбнулась, чмокнула меня в щеку, забрала из рук сумку и затопталась рядом, пока я переобувалась в тапки.

— Ну, Марин, мы идем сегодня или нет?

— Идем, идем. Папа прислал перевод. — обрадовала ее я.

— Йес! — подпрыгнула Алина и умчалась в комнату.

Я прошла в гостиную и опустилась на диван. После любовного свидания по телу все еще разливалась истома, а в носу сохранялся приятный запах Юркиного парфюма. Окинув взглядом комнату, я тихонько вздохнула — с хоротами, где я только что была, лучше и не сравнивать. Конечно, у нас тоже не бродвейская ночлежка, но похвастаться нечем. Хорошо, что я не завистливая и легко отхожу от потрясающих впечатлений. Другая бы выла в голос и от отчаяния кусала диванную подушку. А чего беситься-то, если мало кто зарабатывает такие деньги, как Юрик!

— Марин, ты смотри не засни! — крикнула мне Алька из своей комнаты.

— Нет, я не сплю! — немедленно отозвалась я, стряхивая с себя незаметно подкравшуюся дрему.

Думаю, что самое время объяснить причину того, почему я не позволяла себе влюбиться без оглядки в замечательного мужчину Юрика. Все дело в том, что Алина называла меня Мариной не потому, что считала ниже своего достоинства произнести слово «мама». Она была хорошей девочкой, не капризной и не избалованной, хотя и с некоторыми современными заморочками. Просто все дело в том, что ее мамой была совершенно другая

женщина. А я вот уже пять лет, как являлась ее законной мачехой. Алине было одиннадцать, когда мы познакомились с ее отцом Максимом Шепелевым. Сейчас ей шестнадцать, она очень милая и мы с ней дружим, а я так просто люблю свою падчерицу и считаю ее дочерью.

Женские судьбы складываются по-разному, меня же угораздило дожить до тридцати лет незамужней и совершенно бездетной. Однажды я оглянулась на прожитые годы и насторожилась — что-то здесь не так. Правда, мне трудно было сразу решить с кем не так, со мной или с окружающими меня мужчинами. Внешность моя была не выдающаяся, но вполне приятная — рост средний, ум острый, волос длинный, память нормальная. Вроде бы я не считалась приманкой для уродов и мужчины, с которыми у меня были близкие отношения, оказывались вполне приличными. Но близкие отношения — это одно, а создание семьи и совместное ведение хозяйства — совсем другое. Не правда ли, было о чем задуматься? Вот в такой непростой для меня период нас и познакомили с Максимом Шепелевым.

У меня есть закадычная подруга Танька Живолубова. Она работает библиотекарем и, ведомая по жизни своей необычной фамилией, обожает всякую живность. Эту сторону ее биографии я обязательно осветю позднее, а сейчас про Максима. Мы столкнулись с ним у подруги в библиотеке. Я пришла повидаться с Татьяной, а он оказался постоянным читателем, и не простым, а, так сказать, оптовым. Парень трудился водителем-дальнобойщиком на огромной заграничной фуре. Командировки у него длились по месяцу, а иногда и дольше, поэтому Максим всегда брал с десятков книг в дорогу. Уже одним этим он мог быть мне интересен.

Танька в тот раз опять не смогла преодолеть свое всегдашнее желание помогать, когда ее не просят, и зачем-то познакомила нас с Максимом. На вид он был очень даже ничего, с женщинами обращаться умел, и, судя по внешнему виду, деньги зарабатывал неплохие. Ну чем не жених? Почему я тогда не подумала о любви — ума не приложу. Затмение какое-то нашло — пора замуж и все тут!

Первое, что сделал Максим — познакомил меня со своей дочерью Алиной. Честно говоря, узнав о существовании у него одиннадцатилетней дочери, я несколько охладела к замужеству, так как всегда отношусь к чужим детям с опаской, а особенно к подросткам. Они для меня словно инопланетяне — музыку слушают непонятную, язык у них хлеще иностранного, одеваются — не приведи Бог и так далее, и тому подобное. Но Алина оказалась замечательной девчонкой, а главное, что мы с первого взгляда понравились друг другу. Я узнала от Максима, что мать девочки умерла в родах и получается, что все эти годы Алина росла под присмотром отца, не зная материнской ласки. А у меня этой нерастроченной ласки оказались такие богатые запасы, что проблема подростков и взрослых в нашей семье никогда не вставала. Мы с Алиной ладили абсолютно во всем, но через несколько месяцев я вдруг четко осознала, что Максим искал вовсе не жену для себя, а женщину, которая заменила бы девочке мать. А также я поняла, что между мной и мужем существует одна единственная точка соприкосновения — Алина. И как-то так само собой сложилось, что мы с Максимом стали жить каждый своей жизнью. Он уезжал в длительные командировки, где буквально в каждом городе у него была женщина для постели, присылал нам с Алиной немаленькие деньги, а когда возвращался домой, то заваливал нас подарками и делал вид, что у нас крепкая семья. Не передо мной, перед дочерью. Между нами давно все было решено и я имела право завести себе любовника, но с условием, что об этом не узнает Алина. Вот так мы и жили — хорошо относились друг к другу, любили нашу девочку и было

нам спокойно и комфортно.

Впервые я испытала раздражение из-за такого положения вещей, когда появился Юра. Я поняла, что именно за него хочу замуж по-настоящему и готова полюбить этого человека всем сердцем. Но узел, который мы с Максимом завязали, невозможно было разрубить, не полоснув лезвием по самому дорогому для нас — нашей Алине.

— А папа много денег прислал? — крикнула дочь из спальни, где переодевалась для похода в магазин.

— На сумку хватит. — ответила я.

— Ну почему ты никогда мне не говоришь сколько папа зарабатывает?

— Во-первых, я и сама этого не знаю. — занудно начала я.

— Ладно, я не правильно спросила. Сколько папа присылает денег? — появилась Алена возле дивана, на котором я полусидела, откинув голову.

— А тебе зачем? — приоткрыла я один глаз.

— Странный вопрос! Интересно же, богатые мы или нет.

— Что-о-о! — я попыталась ухватить ее за подол юбки, но девчонка ловко отскочила в сторону. — Вот значит какие мысли тебя одолевают!

— Конечно, я уже закончила школу, мне скоро семнадцать, значит и одеваться я должна соответственно.

— А соответственно — это как? — снова откинулась я на спинку дивана.

— Ну, там всякие модные вещи, аксессуары... — Алина начала загибать пальцы, мечтательно глядя в потолок.

— Челку покрасить в синий цвет, серьгу в пупок вставить и не забыть напялить на ноги жуткие лакированные копыта. — загнула и я три пальца.

— Ну, Марин, вот вечно ты все перевернешь с ног на голову. — надулась Алина.

— Что, правда-то глазки колет? — прокряхтела я, поднимаясь с дивана.

— Где ты тут правду увидела? Я же совсем не такая! — продолжала дуться та.

— Правильно, ты не такая! А почему?

— Ну, почему?

— Потому что тебе жаль ради всего этого переступить через мой труп. — охотно пояснила я.

— О-о-о, трупы в дело пошли, тогда я умолкаю.

— Мудрое решение. Старших раздражать не следует, тем более перед тем, как идти с ними покупать сумку. — подняла я вверх палец. — Кстати, ты хоть присмотрела что-нибудь?

— Да, как раз вчера в универмаге был завоз. Идем прямо туда. — оживилась Алина.

Мы с ней вышли из дома и пешком направились к универмагу, который находился от нас в полутора остановках. День клонился к вечеру, было не жарко и прогулка пришлась очень кстати. Мы провели у прилавка не меньше получаса, потому что у Алины разбежались глаза от обилия выбора и она ошалело пересчитывала количество отделений, карманов и молний на сумках, пока не остановилась на одной. Но, даже получив в руки заветную покупку, она бросила взгляд сожаления на оставшиеся экземпляры, которые продавец вновь расставляла по своим местам. Человек — животное ненасытное.

Все вроде бы было хорошо, но я за время нашего похода в магазин несколько раз испытывала чувство непонятной тревоги. Обычно, когда такое чувство у меня возникало, я быстренько мысленно пробегалась по всем своим близким и родным, чтобы определить

причину беспокойства. Именно так я сделала и сейчас. Алина вот она — рядом, с Юрой я рассталась только недавно, Максим звонил вчера вечером, чтобы сообщить о переводе денег, мама с папой жили на даче, но у их соседей был сотовый телефон. Вроде бы беспокоиться не о чем. И тут я поняла, что раздражитель был не внутренним, а внешним — чей-то взгляд все это время сверлил мою спину, не давая возможности расслабиться. Поняв это, я резко оглянулась и успела заметить, как высокий парень быстро перевел взгляд с меня на витрину, возле которой стоял и стал с интересом рассматривать товар. За стеклом в многочисленных ячейках был насыпан разноцветный бисер и стеклярус. И вообще отдел торговал предметами для шитья и рукоделия. Да, попал парень! Это ему наказание за излишнее внимание к моей персоне — нечего пялиться на посторонних женщин.

— Ты чего? — дернула меня за рукав Алина.

— Да вон, тип какой-то пялится на меня все время. — кивнула я в сторону.

— Где? — тут же заинтересовалась Алька.

— Да вон, у витрины с рукоделием.

— Ничего, симпатичный. — толкнула она меня локтем в бок.

— Помалкивала бы. — возмутилась я.

Парню явно не понравилось наше внимание, он был излишне напряжен и, наконец, не глядя на нас, развернулся и направился к выходу из универмага. Чудной какой-то, решила я и постаралась о нем забыть.

На обратном пути мы съели по мороженому и весело переговариваясь подошли к своему подъезду. На лавочке сидела незнакомая женщина лет пятидесяти, а возле ее ног стоял небольшой чемодан. Мы с Алиной вежливо поздоровались, и я подумала, что к кому-то из наших соседей приехали гости, а их нет дома. И тут за моей спиной раздался голос.

— Алиночка!

Мы обе удивленно оглянулись, потому что никто из наших знакомых Алину так не называл. Мы с ней терпеть не могли слащавых суффиксов и все об этом знали. Удивление мое возросло, когда я поняла, что мою падчерицу окликнула та самая женщина, которая за секунду до этого сидела на скамейке, а сейчас стояла, выжидательно подавшись в нашу сторону.

— Простите? — приподняла я бровь.

— Я не ошиблась, девочку зовут Алина? — спросила женщина.

— Алина. — кивнула я. — А вы кто?

Моя сухость объяснялась очень просто — с первого же дня водворения меня в доме Максима я полностью взяла на себя заботу о девочке и считала своей прямой обязанностью оберегать ее от всяческих неприятностей. Муж подолгу не бывал дома и мне порой приходилось решать достаточно серьезные вопросы, возникающие в любой семье, где есть ребенок-подросток. И теперь, когда к Алине вдруг обратилась незнакомая женщина, которая явно дожидалась нас у подъезда, мой охранный инстинкт не заставил себя ждать.

— Ну, слава Богу, я тебя нашла. — и женщина неожиданно прослезилась.

Пока она суетливо рылась в своей сумке и доставала оттуда платок, мы с Алькой переглянулись и по ее недоуменному виду я поняла, что дочь видит незнакомку впервые. Дав возможность человеку вытереть слезы радости, я повторила свой вопрос.

— Простите, кто вы?

— Я Алиночкина тетя, двоюродная сестра ее покойной матери. — в глазах снова мелькнули слезы и в дело опять пошел платок.

Вот тебе раз! За пять лет я ничего не слышала о том, что у Алины со стороны матери остались хоть какие-то родственники. Правда, специально я с Максимом на эту тему не разговаривала. И тут женщина задала встречный вопрос.

— А вы Алиночке кто?

— Я ...? Ну, я жена Максима. — проямлила я и тут же разозлилась на себя за это.

Кому-то другому я бы просто ответила, что Алина моя дочь, но сестре ее настоящей матери, пусть даже и двоюродной, так ответить я постеснялась. Что за дурацкая манера чувствовать себя виноватой, когда мне совершенно нечего стыдиться!

— Давайте-ка поднимемся в квартиру. — предложила я.

— Да, да. — засуетилась женщина, пряча в сумку платок и берясь за ручку чемодана.

Я посмотрела на Альку и кивнула на чемодан.

— Давайте я помогу. — тут же отреагировала она и подошла к своей тетке.

— Да что ты, Алиночка, я сама, тебе тяжело будет. — запричитала та.

— Ничего, она уже большая девочка. — с нажимом сказала я и Алина, наконец, завладела чемоданом.

Мы поднялись на второй этаж, я открыла дверь и пропустила всех вперед. Ситуация складывалась непростая и, как на зло, посоветоваться мне было не с кем. С Максимом связь существовала только односторонняя и разыскать его, чтобы спросить про внезапную родственницу, не было никакой возможности. Придется ждать, когда он сам позвонит, а это может быть не раньше, чем через пять дней. Ладно, сама разберусь, не маленькая.

Алина уже прошла в гостиную и нелепо стояла посреди комнаты, не зная, куда поставить чемодан. Родственница теребила застежку на босоножках и вздыхала, что-то невнятно шепча себе под нос. Наконец она справилась с обувью, я пододвинула ей тапки и мы все оказались в комнате. Алина уже пристроила чемодан между креслом и диваном и теперь не знала куда девать освободившиеся руки.

— Давайте все сядем. — предложила я и показала гостье рукой на диван.

Алька опустилась в кресло, а мы с тетей устроились друг против друга. Повисла напряженная пауза, во время которой женщина умильно посматривала на свою племянницу.

— По-моему, нам пора познакомиться. — откашлявшись, начала я общение.

— Да, конечно, Алиночку-то я знаю, а вот вас как зовут? — услышала я в ответ.

— Меня зовут Марианна, а вас?

— Евгения Сергеевна. Потапова.

— Вы уж меня простите, Евгения Сергеевна, но как вы нас нашли? И вообще, почему ни я, ни Алина о вас до сих пор даже не слышали?

— Я все понимаю, не извиняйтесь. Свалилась вам как снег на голову. Я сама еще толком в себя не пришла после того, как разыскала Максима и получила от него письмо.

— Какое письмо? — тетя озадачивала меня все больше и больше.

Евгения Сергеевна посмотрела усталыми, покрасневшими от слез глазами, и предложила.

— Давайте, я все по порядку расскажу. Мне так будет легче. — и посмотрела на нас с такой теплотой, что мне тут же стало стыдно за свою чрезмерную подозрительность и негостеприимность.

Сразу же потянуло предложить всем чай, выставить на журнальный столик конфеты с печеньем. Но совсем-то уж расслабляться было рановато и я остановила свой несвоевременный порыв. Успеется.

— Мы с Леной, Алиночкиной мамой, никогда толком не ладили. — начала свое повествование Евгения Сергеевна. — Я ее старше была на пятнадцать лет, думаю причина в этом. Когда я в невестах уже ходила, то, сами понимаете, нянчиться с маленькой сестрой не хотелось. Потом замуж вышла, своего сына родила — тем более стало не до Лены. Когда же она выросла, то уже сама от меня отвернулась, даже на свадьбу не пригласила. Трудно сказать, чья тут вина. Как по мне, так обе мы хороши были — упрямые. Я даже и не знала, что сестра сразу после свадьбы забеременела. Только позже, когда она в родах умерла и ее уже схоронить успели, мне весточку прислали. Кинулась я туда, где Лена с семьей жила, а там уже чужие люди. Сказали, что Максим после похорон квартиру продал, да и уехал неизвестно куда с новорожденной дочерью.

Евгения Сергеевна снова вынула платок и смахнула наворачнувшиеся слезы. Я же внимательно посмотрела на Алину, каково ей слушать историю о смерти родной матери? Девочка сидела, широко распахнув глаза и вцепившись тонкими пальцами в подлокотники кресла. Было видно, что все это она слышит впервые и поэтому впитывает в себя слова тетушки, стараясь не упустить чего-нибудь важного. Тем временем Евгения Сергеевна успокоилась и продолжила рассказ.

— Долго мы с сыном искали Максима с Алиной, писали везде, запросы посылали, но все бесполезно. На несколько лет прекратили поиски, а тут через наш городок колонна грузовиков проезжала, да остановились в столовой поесть. А я как раз мимо проходила, когда водители снова по своим машинам рассаживались. И показалось мне, что один из них очень на Максима похож. Я возьми, да оклики его. И ведь надо же такому случиться, что это как раз Максим и оказался.

— Подождите! — встrepенулась я. — А откуда вы Максима знали, если говорите, что на свадьбе не были?

— Как же, а фотография свадебная! Мне одну родственница подарила, мол, хоть вы и в контрах, но на счастье сестры посмотреть не грех.

— Я ведь не просто так спрашиваю. — решила пояснить я. — Дело в том, что Максим сказал, у них ни одной свадебной фотографии не получилось, пленку испортили.

Евгения Сергеевна внимательно посмотрела на меня, а я уловила в ее взгляде некоторую растерянность.

— Ну и дела. — наконец сказала она. — Вот ведь как бывает, а я и не знала, что у твоего отца нет свадебных фотографий, а то бы обязательно захватила для тебя, Алиночка. Ну ничего, в следующий раз привезу. Там твои мать с отцом такие молодые, да красивые.

— Так почему же она у вас есть, если ни одной не получилось? — настаивала я, потому что не любила что-либо оставлять невыясненным.

— Я думаю, что эту фотографию родственница сделала своим собственным фотоаппаратом. Потому и мне смогла дать, что пленка была ее. — задумчиво сказала Евгения Сергеевна.

Объяснение было логичным и я для себя этот вопрос закрыла. Но тут же возник новый вопрос, который я тут же и задала.

— А как же вы Алину узнали?

— Что, я не поняла о чем вы? — повернулась ко мне тетушка.

— Вы ее у подъезда по имени окликнули. — пояснила я.

— Ах, это! Так мне же Максим ее снимок выслал вместе с письмом, вот я и узнала.

Да что же это мой муж таким скрытным оказался? Ведет оживленную переписку с

неизвестной теткой, а нам с Алиной ни звука! Положим, он девочку не хотел тревожить раньше времени, но мне-то почему ничего не рассказал? Вот теперь расхлебывай всю эту ситуацию! Еще неизвестно, как Алина отреагирует на появление родственницы. У подростков психика неустойчивая — сейчас сидит с открытым ртом и каждое слово ловит, а через минуту может истерику закатить. Правда, раньше за ней такого не водилось.

— А эта фотография у вас с собой? — спросила я.

— Да, конечно. Я ее теперь всегда с собой ношу. — и Евгения Сергеевна снова начала рыться в сумке.

Через минуту на свет божий появился кодаковский снимок и мы с Алиной озадаченно на него уставились. Алька стояла, облокотившись попой на невысокие каменные перила возле угла какого-то здания. В одной руке она держала мороженое, а взгляд ее был устремлен немного в сторону от объектива фотоаппарата. Лично я такую фотографию видела впервые.

— Где это ты?

— Не знаю. — пожала плечами Алька. — Я такую фотку не помню. И кофту эту я одевала всего-то пару раз.

Мы снова воззрились на снимок, а Евгения Сергеевна нервно поерзала. И тут Алина заорала, как сумасшедшая, перепугав нас чуть не до икоты.

— А-а-а! Вспомнила! Это я ходила со Светкой Полуниной смотреть результаты экзаменов в университете. Там как раз вот такие перила. И мороженое мы ели, точно! Только вот Светки почему-то на снимке нет.

— А фотографировал тебя кто? — не унималась я.

— Представления не имею. — снова пожала плечами Алька.

— Странно, откуда у Максима такая фотография? — негромко сказала я.

— Мне ведь что прислали, то я и показываю. — всполошилась Евгения Сергеевна.

— Да нет, вы не волнуйтесь, это мы о своем. — успокоила я гостью и вернула ей странный снимок.

Тетушка бережно упрятала его назад в сумку и вопросительно подняла на нас глаза. Мол, и дальше мучить будете, или хватит уже? Но у меня оставался последний, очень важный для меня вопрос.

— Так сколько же родственников у Алины со стороны матери?

— А двое всего — я, да мой сын Саша. — порадовала меня Евгения Сергеевна.

Большой наплыв родни мне вряд ли бы понравился, а двое — это нормально. От сердца вроде бы отлегло, так что настало время проявить гостеприимство.

— Вы прямо с поезда к нам?

— С автобуса. — уточнила тетушка. — Шесть часов тряслась, все кости с места сдвинулись.

— У нас остановитесь?

— Если не выгоните? — широко развела она руками и улыбнулась.

Улыбка у Евгении Сергеевны была хорошая, это я сразу заметила, а теперь, когда вроде бы многое стало ясным, мне даже стала нравиться эта внезапно появившаяся родственница.

— Ну, тогда Алина покажет вам вашу комнату, а я пойду разогревать ужин. — сказала я, поднимаясь с дивана, а потом добавила. — Добро пожаловать.

Все на минуту застыли, а потом Алька громко фыркнула, бросив на меня веселый взгляд. Это как будто послужило сигналом и мы все трое рассмеялись, разбивая напряжение,

все это время висевшее в воздухе. Через полчаса стол был накрыт, мы сели в кухне, я достала бутылку шампанского и разлила его по трем фужерам.

— Ну, со знакомством! — провозгласила я и все дружно выпили.

Ужин прошел в непринужденной обстановке, но к концу чаепития Евгения Сергеевна начала сонно моргать и с трудом подавляла зевок. Мы с Алькой спохватились — тетя Женя, как мы обе уже стали ее называть, устала после долгой дороги. Пора ей и отдохнуть. Алина убежала стелить гостье постель в своей комнате, а мы с ней пока будем спать вместе в нашей с Максимом спальне.

— Теть Женя. — попросила я. — Пожалуйста, не называйте больше ее Алиночкой.

Евгения Сергеевна удивленно посмотрела на меня.

— А почему?

— Не любит она этого, да и мне все эти Анечки, Ванечки, Любочки тоже не по душе.

— Я хотела как поласковой. — с сожалением ответила тетя Женя.

— Алина или Алька будет в самый раз. — успокоила я ее.

— Точно! — появилась в дверях наша девица. — Зовите меня Алькой, мне так больше нравится.

— Что ж, договорились. — разулыбалась тетушка. — Веди меня, Алька, в мою опочивальню.

Через полчаса, убрав со стола и вымыв посуду, мы лежали с Алиной на большой кровати в спальне и шептались, придвинувшись голова к голове.

— Ну, как тебе вновь обретенная тетушка. — спросила я.

— По-моему, она хорошая. — мечтательно сказала девочка.

— По-моему, тоже.

— Правда? А ты не знаешь, она надолго к нам?

— Как-то неудобно спрашивать, а что?

— Хорошо бы надолго. Мы втроем почти никогда долго не живем — папа всегда в командировках. — пояснила Алина.

Такие ее мысли были для меня новостью. Значит, скучает она по отцу, только вида не подает. А вот мне присутствие дома Максима все больше в тягость. Я совсем от него отвыкла. И тут мне в голову впервые забралась крамольная мысль. А правильно ли мы поступаем, делая вид перед дочерью, что у нас нормальная дружная семья? Не переиграть бы самих себя.

Утро ворвалось в мой сон запахом какой-то очень вкусной еды. Открыв глаза, я долго соображала, чем же это так обалденно пахнет, пока Алька, сонно улыбаясь не протянула.

— Блинчики кто-то жарит.

Точно, в комнате стоял запах блинчиков, которые у меня лично ни разу за всю жизнь такого аромата не издавали. Да и на вид были чуть аппетитней самой сковороды, на которой жарились.

— Это, наверное, баба Тоня своих решила побаловать. — предположила я.

Баба Тоня была нашей соседкой и мастерицей стряпать всякие вкусности. Иногда она даже угощала нас с Алькой чем-нибудь особенно вкусным. Мы посмотрели друг на друга и я ответила на невысказанную мысль дочери.

— Вряд ли. К ней два дня назад внук приехал, а аппетит у него, будь здоров!

Алина вздохнула, лениво поднялась с кровати и отправилась умываться. Ванная у нас была совмещенная с санузлом, так что я решила немного поваляться, пока девочка не приведет себя в порядок. Но ровно через минуту Алька ворвалась в спальню и заорала.

— И никакая не баба Тоня! Это тетя Женя блинов нам напекла! Вставай скорее! — и снова ринулась вон из комнаты.

Меня как пружиной выбросило из кровати и на кухне мы с Алькой оказались почти одновременно. Разрумянившаяся Евгения Сергеевна домывала посуду и со смехом поглядывала на нас.

— Доброе утро. — догадалась сказать я, не сводя вожаделенного взгляда с большой горки тонюсеньких золотистых блинчиков, красовавшихся посреди стола на нарядной тарелке.

— Доброе, доброе. Давайте, ка, девочки, умываться и завтракать. Кому чай, кому кофе, а может быть кто-то хочет какао? — пропела Евгения Сергеевна.

— Какао?! И вы можете его приготовить? — обалдела я.

— А чего же не приготовить? Молоко есть, сам порошок я вам в подарок привезла, сахар тоже есть.

— Тетя Женя, вы добрая фея! — сказала я. — Утро начинается просто замечательно. Мы скоро придем.

Не дав Алине как следует расчесаться, я вытурила ее из ванной, быстро привела себя в порядок и через десять минут мы втроем уже сели за стол, где перед каждым исходила паром большая чашка самого настоящего какао. Такого завтрака я не помню с самого раннего детства.

Когда через какое-то время я сыто отвалилась от стола, Евгения Сергеевна сказала, глядя на мой выпирающий живот.

— Нельзя сидеть после такого обильного завтрака, нужно пойти прогуляться.

— Точно. — обрадовалась Алина. — Пойдемте все вместе в парк.

— Давайте так сделаем. — предложила я. — Вы с тетей Женей идите в парк, а я к Татьяне схожу. Три остановки пешочком — чем не прогулка.

— А Татьяна — это кто? — поинтересовалась Евгения Сергеевна.

— Подруга моя, самая близкая. Здесь недалеко в библиотеке работает. — объяснила я. — Ну, договорились?

Всем идея понравилась и мы с гостьей разошлись переодеваться, а Алина осталась мыть посуду, хотя Евгения Сергеевна и была против. Но на своей кухне порядки устанавливаю я и спорить со мной бесполезно.

Я шла по теневой стороне улицы, глазела на прохожих и наслаждалась еще не испарившейся утренней прохладой. Идти было приятно, но через какое-то время мне снова стало не по себе от ощущения чужого взгляда. Я не вытерпела и оглянулась. На этот раз никого увидеть не удалось, а меня посетила нехорошая мысль — уж не приключилась ли со мной мания преследования? Слышала я о таких вещах — приятного мало. Твердо решив больше не реагировать на свои ощущения, я зашагала быстрее и через десять минут уже входила во двор дома, где находилась Танькина библиотека.

Возле центрального входа было как-то непривычно оживленно, дети и старушки стояли, задрав головы вверх, и громко переговаривались. В самом центре толпы я разглядела Живолобову, которая была возбуждена больше всех.

Когда я подошла ближе, то услышала, как Танька горько сетует на судьбу бедного животного. Я посмотрела туда же, куда и все граждане, и увидела почти на самой верхушке молодой березки серую кошечку. Она устроилась на ветке, подобрав под себя все четыре лапки и временами отрывисто мяукала.

— Тань! — позвала я и подруга тут же оглянулась.

— Ой, Марианна, привет! Ты только посмотри, а! — и показала рукой на кошку.

Тут, пожалуй, требуются кое-какие пояснения. Как я уже и говорила, жизненный путь моей подруги был предопределен ее чудной фамилией — Живолобова. В строгом соответствии с каждой буквой этой фамилии Танька страстно любила животных, старалась о них заботиться и помогать им. Но все у нее получалось слишком чересчур и не всегда заканчивалось так, как бы ей хотелось, а тем более, как хотелось бы самому животному. Самой яркой иллюстрацией этому был один случай с вороной.

Как-то Татьяна отдыхала в деревне у своих родителей. Само собой, что вся деревня давно знала о ее любви к животным и, когда мальчишки нашли за околицей большую ворону с перебитыми лапами и поврежденным крылом, то тут же притащили ее Таньке. Умных людей, которые говорили, что с такими повреждениями птица не выживет, подруга слушать не собиралась и принялась лечить ворону. Через неделю она отвезла несчастную в город и отправилась с ней в ветлечебницу. Врач тут же предложил не мучить живое существо, а усыпить при помощи укола. Зря он такое сказал Таньке, я по себе знаю. После этого она закусилась еще больше и поклялась мне лично, что ворону выводит. Татьяна соорудила птичке миниатюрные шины, привязала их к лапкам и стала ждать, когда кости срастутся. И что самое удивительное, срослись ведь! Птица повеселела и даже стала выходить со своей спасительницей на прогулку. Представляете такую картину — по аллее парка идет Татьяна медленным шагом, а рядом с ней на прямых ногах вышагивает огромная ворона. Однажды их даже сфотографировали для раздела «Курьезы живой природы» нашей местной газеты. Танька очень гордилась этой фотографией, но я испортила ей радость, сказав, что в данном случае курьез — это не ворона, а Танька. Вот так они и жили до того самого момента, пока в нашем городе не случился гололед. Танька и ворона вышли на прогулку и даже каким-то образом смогли пройти метров триста по обледеневшей парковой дорожке. И тут Татьяна поскользнулась и, взмахнув руками, всей своей массой свалилась на доверчивую птицу. Как вы понимаете, ворона на прощание даже каркнуть не успела. Похоронила подруга останки своей воспитанницы там же в парке, расковыряв мерзлую землю какой-то щепочкой. А

потом взяла и впала в самую настоящую депрессию. Мне тогда с трудом удалось вывести ее из этого состояния. И смех, и грех, право слово!

— Танька, ты чего тут опять затеяла? — подозрительно спросила я, поглядывая на кошку.

— При чем тут «затеяла»?! — возмутилась подруга. — Кошка на дерево забралась, а слезть не может.

— Ну и что?

— Как что, помочь надо. — искренне удивилась она.

Я еще раз взглянула на кошку, потом на галдящую под деревом толпу и внесла предложение.

— А может быть ей просто не нужно мешать?

— В каком смысле? — озадачилась подруга.

— Да в простом! Разгони всю эту толпу — она и слезет. Вы же ее только пугаете своей суетой.

Танька задумалась, а потом пошла и действительно прогнала всех любопытных из под дерева. Кошка озадаченно замолчала, не веря, что ее оставили в покое.

— И нам тут тоже делать нечего. — потащила я Таньку в сторону входа в библиотеку.

— Подожди, а вдруг она самостоятельно спуститься не сможет. — упиралась подруга.

— И тогда ты за ней полезешь? — с сарказмом спросила я.

— Придется. — твердо сказала Танька.

— Ты больная. — обрадовала я подругу.

— Сама больная. — обиделась она.

— Слушай, ты хоть раз видела кошачьи скелеты на деревьях?

— Нет. — ошалела Танька.

— Вот то-то и оно. Пошли, у меня потрясающие новости.

После всего сказанного подруга наконец-то согласилась войти в здание. Заходя в дверь, я бросила прощальный взгляд на дерево и увидела как кошечка резво спускается по стволу, размахивая хвостом для равновесия. Хочешь помочь — не мешай! Мудрое изречение.

Мы с Танькой прошли между огромными книжными стеллажами и оказались в пыльном и тесном закутке, где стоял старый обшарпанный письменный стол, служивший работникам библиотеки обеденным. Поразительно, как некоторые вещи могут совсем не изменяться целыми десятилетиями. Библиотеки тому яркий пример, тем более такие, расположенные на окраине района, в старых домах. Все изменения-то здесь состоят в том, что потихоньку ветшает мебель, ветшают книги и ветшают постоянные читатели. В здешних реестрах даже фамилии практически не меняются, потому что посетители ходят сюда целыми поколениями.

Танька включила древний никелированный электрический чайник, достала две чашки, печенье и конфеты. Расставив все это на столе, она села напротив меня, подперла щеку кулаком и как-то уныло сказала.

— Ну, рассказывай.

Ее слабый интерес к моим новостям был очень даже обидным и я ехидно спросила.

— А может пойдешь во двор, к кошкам, раз тебе так скучно?

— Да ладно, чего ты? — застыдилась подруга. — Рассказывай.

— Представляешь, у Альки объявилась тетка! — выпалила я и добавила. — Двоюродная.

— Ничего себе! — округлила глаза Татьяна. — А Максим говорил, что никакой родни.

— Он эту тетку раньше в глаза не видел. Она с Алькиной матерью была в состоянии тихой вражды.

— А объявилась-то в каком смысле?

— В самом прямом. Сидела и ждала нас возле подъезда. Ночевала у нас, а сейчас они с Алькой пошли в парк прогуляться после сытного завтрака с блинами.

— Ты что, ее своими блинами потчевала? — фыркнула Танька.

— Попрошу не намекать. — погрозила я ей пальцем. — Нет, она сама с утра блинов напекла — вкуснющие.

— Так, это понятно, но объявилась-то она зачем? — посерьезнела подруга.

— Правильный вопрос. Говорит, что долго искала племянницу, после того, как узнала о смерти сестры.

— А зачем искала? — не унималась Танька.

— Я думаю, что ею двигало чувство вины перед сестрой, с которой она при жизни так и не смогла наладить нормальные родственные отношения. По крайней мере она сама так говорит.

— А Максим что?

— Вот то-то и оно! Оказывается, Максим ей письмо отправил с Алькиной фотографией. Причем, фотография какая-то странная — ни я, ни Алька ее в глаза раньше не видели. А главное, я понять не могу, почему Максим мне про эту Евгению Сергеевну ничего не сказал?

— Можно подумать, что ты много о его прошлом знаешь. — покачала головой подруга.

— Да, ты права, не любит он на эти темы разговаривать. Да мне до сих пор и неинтересно было, а теперь это напрямую Альку касается. — вздохнула я.

— Ладно, Марианна, что ты киснешь-то? У тебя что, дочку отнимают что ли? Или может эта тетка мегера какая-нибудь?

— Да нет, нормальная такая тетка, добрая вроде бы. Но что-то мне беспокоит.

— Ладно, давай чай пить. — захлопотала Татьяна. — Как у тебя с Юриком?

Эта тема на данный момент была гораздо спокойнее предыдущей и я оживилась.

— Отлично все с Юриком!

— Да, повезло тебе с мужиком. — вздохнула подруга, у которой с бывшим мужем уже три года не прекращались выяснения отношений.

Димка мне всегда нравился — веселый, компанейский. Только я-то знала, что с Танькой жить тяжело, а он поначалу об этом даже не догадывался. Честно пытался наладить семейный быт, создать атмосферу и прочие мелочи. Но с Танькой это просто невозможно — у нее в голове и сердце одно зверье. То щенка бездомного с улицы притащит, а потом неделю пытается его в хорошие руки пристроить, то ворона у них живет, то ежик ночами по квартире спринтерские забеги устраивает с жутким топотом. И все они жрать хотят, а потом естественно в туалет. От такой тяжелой жизни Димка сначала погрустнел, потом затосковал и, наконец, озверел. Случилось это как раз из-за кота, который тоже забрался на дерево и не слезал оттуда. Почти как сегодняшней случай, если не считать того, что мороз тогда на улице был больше тридцати градусов.

Танька шла домой и увидела возле своего подъезда на дереве большого пушистого кота. Под деревом было полно собачьих следов, так что стало понятно, отчего кот там отдыхает. Подруга попыталась сама заползти вверх по стволу и снять бедолагу, но не смогла и пошла за Димкой. Он долго отказывался, взывал к ее человеколюбию, которое у нее между прочим совершенно отсутствовало, вытесненное живолобием, но, наконец, согласился.

Димка мужик крепкий и снять с дерева кота для него не проблема, если бы не некоторые непредвиденные обстоятельства. Оказалось, что кот с перепугу на дереве чуть-чуть описался и, естественно, примерз к ветке своей длинной шерстью. Но Димка-то этого не знал, он подобрался к зверю поближе, ухватил его за шкурку и дернул к себе. Конечно, коту такая биоэпиляция не понравилась и он всеми зубами вцепился Димке в щеку. Димка от неожиданности отпустил дерево и грохнулся вниз. Хорошо, что снега было достаточно, иначе не миновать бы ему больницы. Вот это все и послужило последней каплей. Димка как был покусанный и с отбитой спиной, так и ушел от Таньки. Даже домой за вещами не поднялся. И вот уже три года они не разводятся и вместе тоже не живут, но частенько встречаются, чтобы выяснить, кто Таньке дороже — люди или звери. По-моему, совершенно бесполезное занятие, но они с Димкой, наверное, любят друг друга.

— Максим-то когда приедет? — спросила Танька, выводя меня из задумчивости.

— Еще не скоро, но должен звонить дней через пять. — ответила я.

— Тогда не забивай голову. Позвонит, и спросишь у него про тетушку. Еще новости есть?

— Нет. Этих-то — за глаза. — посмотрела я в свою опустевшую чашку.

— Тогда извини — мне работать пора. — вздохнула подруга.

— Приходи к нам в гости. — попросила я. — Посмотришь на тетю свежим взглядом.

— Сегодня не могу, а завтра приду на ужин. — пообещала Танька.

— Отлично, будем ждать. — я любила, когда она у нас бывала, потому что Танька рассказывала Альке всякие умные вещи и приносила интересные книжки.

Выйдя из библиотеки, я неожиданно поняла, что домой идти не хочу. Непривычно было сознавать, что в нашем доме посторонний человек. Такое за пять лет случилось впервые, до сих пор у нас никто и никогда не ночевал, даже Татьяна. Как-то не было повода. А еще я поняла, что встреча с подругой ожидаемого облегчения не принесла. Душу продолжал точить противный червяк, постоянно напоминая мне о странном поведении Максима, и я не переставала задаваться вопросом — почему он ничего не сказал мне о существовании у Альки двоюродной тетушки?

Такие мысли кого угодно сведут с ума, а уж меня-то с моей переживчивостью, тем более. Выход был только один — встретиться с Юриком и забыться, хотя бы на время, в его объятиях. Я взглянула на часы — половина первого. У нормальных людей сейчас обеденное время, будем считать, что Юра нормальный.

Я дошла до первого же телефона-автомата и позвонила любовнику на сотовый.

— Да? — тут же отозвался он.

— Юр? — почему-то жалобно протянула я.

— Марьяна? Привет! — бодро отозвался он.

— Юр, я к тебе хочу.

— В каком смысле? — спросил он, совершенно не удивившись.

— Во всех смыслах. — тяжело вздохнула я.

— Во всех сейчас не получится, а вот пообедать вместе мы успеем. У тебя что-то случилось?

— Плохого, вроде бы ничего, но на душе... — и я снова вздохнула.

Любимого, видимо, всерьез озадачили мои вздохи, потому что он отрывисто сказал.

— Стой, где стоишь, я сейчас приеду. — и отключился.

Я отошла от телефона, огляделась и выбрала ближайшую скамейку. Когда я устроилась

на ней со всеми удобствами, в голове возникла неожиданная мысль. А откуда Юрик знает, где я нахожусь? Ведь я ему ничего не сказала. Ой, а вдруг он подумал, что я дома и зайвится туда? Вот будет весело, если Алька с Евгенией Сергеевной уже вернулись — вопросов теперь не оберешься. Да нет, он же номер моей квартиры не знает.

Пока я так рассуждала и совсем уж было собралась снова звонить Юре, на дороге показался его джип. Машина плавно подкатила к моей скамейке и я разглядела через тонированные стекла, что за рулем сам хозяин.

— Ну, что за кислый вид? — спросил Юрик, опускаясь рядом на скамью и целуя меня в кончик носа.

Я придвинулась ближе, с трудом обхватила двумя руками его мощный торс и прижалась щекой к мягкой ткани дорогой летней рубашки. От Юры вкусно пахло, был он большой и надежный, а еще ласково гладил меня по волосам. Страхи и сомнения тут же показались несущественными и надуманными, а чувство легкого голода вылезло на первый план и приятно защекотало меня под ложечкой.

— Поехали, поедим. — предложила я.

— Поехали. — Юрка встал сам, поднял меня и мы направились к джипу.

Когда я устроилась на переднем сиденье и уже не могла крепко прижиматься к любимому мужчине, в голове снова завозился назойливый вопрос. Я поторопилась его озвучить.

— А откуда ты узнал, где я нахожусь?

— Что? — не понял Юра.

— Ну ты сказал — стой, где стоишь. А как ты узнал, где я стою?

Он внимательно посмотрел на меня, покачал головой и сказал.

— Ты же сама назвала место, разве не помнишь?

— Я? Ничего я тебе не называла. — терпеть не могу, когда меня подозревают в том, чего я не делала.

— Здравьте! А как бы я догадался, куда ехать? — насмешливо сказал он.

— Вот именно. — парировала я.

— Да, с тобой сегодня и правда что-то не так. Может еда поможет?

«Черта-с-два мне еда поможет!» — подумала я. — «Потому что я четко помню, что ничего тебе не говорила».

Из-за этого дурацкого недоразумения обед был испорчен, по крайней мере для меня. Юрка изо всех сил старался меня развлечь и временами тревожно заглядывал в глаза. Когда я звонила ему с улицы, то была почти готова поделиться своими волнениями по поводу внезапно объявившейся тетушки. Надо же когда-то начинать доверять человеку, в которого влюбилась, несмотря на внутренние запреты и препоны. Но теперь мне расхотелось откровенничать. Я куксилась, ела без аппетита и злилась на все и вся. Расстались мы с явным облегчением, а я подумала, что все-таки чрезмерная таинственность между близкими людьми до добра не доведет.

Дома я появилась уже далеко за полночь и застала Алину с Евгенией Сергеевной за обедом. На кухне вкусно пахло щами и я дала себе слово, что на ужин обязательно съем тарелочку. Идиллия между тетушкой и племянницей была полная — они смеялись, шутили и вспоминали свою прогулку по парку. Так как все это совершенно не соответствовало моему настроению, я взяла книжку и завалилась на кровать. Ровно через минуту прибежала Алька.

— Марин, ты чего такая?

— Какая? — испугалась я.

— Ну, не общительная. — уточнила Алина.

— Притомилась что-то. — снова откинулась я на подушки.

— А где ты была?

— У Татьяны. Поболтали о том, о сем. Кстати, она обещала прийти на ужин.

— Сегодня? — обрадовалась девочка.

— Сегодня вряд ли, наверное, завтра.

— Здорово! Я попрошу тетю Женю приготовить чего-нибудь вкусненькое.

— Ты бы ей помогла, гостья все-таки, а то оседлали и поехали. — напомнила я.

— Конечно. Я посуду мою, со стола убираю и картошку сегодня для щей чистила. —

перечислила Алька.

— Молодец! — похвалила я и тут же спохватилась. — А продукты вы на какие деньги покупали?

Среди моих запасов для щей имелась только картошка, значит остальное пришлось купить.

— Тетя Женя на свои. — растерялась Алька.

— Нехорошо. Ты же знаешь, где у нас деньги лежат.

— Думаю, что она бы не взяла. — с сомнением сказала Алина. — Ты уж давай сама как-нибудь.

— Ладно, вот отдохну немного и рассчитаюсь. — сказала я.

Алька махнула мне рукой и тихо прикрыла за собой дверь спальни. Все-таки послушная у меня девочка, повезло мне.

Перед ужином мы все трое сидели возле телевизора и смотрели центральные новости. Взрывами, пожарами и неизлечимыми болезнями нас уже поугубили досыта и теперь старались взбодрить, демонстрируя достижения современной медицины. Какой-то женщине из провинциального городка крупно повезло и столичное светило хирургии согласилось сделать ей операцию по пересадке какого-то внутреннего органа. Диктор долго объяснял, как это сложно и как благодарна должна быть женщина светилу. Потом нам поведали, откуда берутся имплантанты и как плохо они, бывает, приживаются. И, конечно же, несколько раз напомнили, что светило будет делать дорогостоящую операцию совершенно бесплатно.

С моего языка уже готово было сорваться едкое замечание на тему махрового популизма даже в такой области, как медицина, но тут мой взгляд упал на лицо Евгении Сергеевны. Она сидела, подавшись в сторону экрана, и ловила каждое слово диктора. По ней было видно, что эта тема ее сильно волнует, а во взгляде женщины я уловила отблески затаенной боли.

Все это меня настолько поразило, что я предпочла вжаться в спинку дивана, чтобы выпасть из поля зрения нашей гостьи, и ничем ее не потревожить. Наверное, кто-то из ее близких серьезно болен, вот она и переживает.

Сюжет закончился, Евгения Сергеевна расслабилась и тайком бросила взгляд на нас с Алиной, проверяя, не заметили ли мы ее состояния. Я постаралась сделать безразличный вид, а Алька итак ничего не видела, занятая чтением телепрограммы.

После всего этого в моей душе снова закопошилась тревога. Объяснить это чувство я себе не могла, но оно было такое прилипчивое, что даже после того, как мы с Алькой перед сном почитали, я еще долго возилась в темноте, не в силах заснуть от неопределенных

назойливых мыслей.

На следующий день позвонила Татьяна и предупредила, что придет на ужин. Это внесло некоторую сумятицу в нашу размеренную жизнь, потому что Алина с Евгенией Сергеевной никак не могли прийти к согласию по поводу главного блюда к столу. Я вручила им деньги и выпроводила на улицу, посоветовав решить этот важный вопрос по пути на рынок. Немного прибравшись дома, я в задумчивости остановилась над чемоданом Евгении Сергеевны, который стоял в Алькиной комнате за письменным столом. Мне было очень стыдно, но я отчетливо осознавала, что через минуту буду рыться в вещах нашей гостьи. Это желание посещало меня уже не раз, питаемое мыслью, что про Евгению Сергеевну мы знаем только то, что она сама нам рассказала. Лично мне хотелось бы узнать побольше.

Не в силах дальше бороться с острым желанием получить дополнительную информацию, я вытащила чемодан на середину комнаты и попыталась открыть крышку. Не тут-то было! Чемодан оказался заперт. Конечно ничего удивительного в этом не было, все-таки человек гостит в чужом доме, но меня этот факт просто подстегнул. Открыть замок было для меня делом плевым. Сколько я таких пооткрывала за свою жизнь! Не чемоданных, конечно, а, например, от почтового ящика. Разница в них небольшая.

Через минуту чемодан стоял передо мной с открытой пастью, приглашая покопаться в своих недрах. На первый взгляд в нем не лежало ничего особенного — шерстяная кофта на случай внезапного похолодания, смена нижнего белья и внушительных размеров матерчатая косметичка, сработанная под гобелен. Она-то меня и заинтересовала. Открыв сумочку, я сразу же увидела достаточно большой флакон темного стекла и рядом белую ситцевую салфетку. На флаконе была приклеена этикетка с аккуратной надписью «Эфир». Салфетка явно предназначалась для того, чтобы смачивать ее жидкостью из флакона.

Я тут же вспомнила сакраментальную фразу из отечественной кинокомедии: «Вы не скажете, как пройти в библиотеку?», а перед глазами всплыл образ Георгия Вицына. Я повертела в руках флакон, зачем-то понюхала салфетку, хотя было видно, что она девственно чиста. «Для чего ей нужен эфир?» — возникла в голове мысль. Я попыталась вспомнить для каких целей применяют этот препарат, но кроме усыпления ничего в голову не приходило. Ладно, подумаю об этом потом, а сейчас нужно вернуть чемодан в прежнее положение. Через минуту вещь заняла свое место, а еще через двадцать вернулись с рынка Алина с Евгенией Сергеевной.

Мы занялись приготовлением ужина и это немного отвлекло меня от неприятных мыслей. Ровно в пять раздался звонок в дверь и появилась Танька с нарядной коробочкой, в которой лежал мой любимый торт «Птичье молоко».

Представив друг другу наших гостей, я предложила пройти к столу, потому что аппетитные запахи давно уже тревожили мое обоняние. На ужин была курочка, запеченная с чесноком, картофельный салат и пышная румяная шарлотка.

— Тетя Женя. — мурлыкала от удовольствия Татьяна. — Как у вас так вкусно все получается? Я вот тоже курицу с чесноком иногда запекаю, но ее же не сравнить с вашей. В чем секрет?

— И тебе не жалко бедную птицу? — ввернула я, потому что Танька при своей огромной любви к животным отнюдь не была вегетарианкой.

Подруга смолчала, так как уже привыкла к моим подколкам.

— Ох, девочки! — смущенно отмахнулась Евгения Сергеевна. — Никакого секрета здесь нет. Просто еду нужно готовить с любовью.

— С любовью к еде? — встряла Алька.

— Нет, с любовью к людям, для которых ты готовишь.

— Ага! А повара в ресторане? Они что же, должны любить всех незнакомых посетителей? — не унималась девочка.

— Нет, всех любить не нужно, да и не возможно. Просто представь, что готовишь для человека, который тебе не безразличен и все получится.

— Кого же вы так сильно любите, если такой ужин состряпали? — спросила Танька, а по лицу Евгении Сергеевны скользнула тень.

— Сына, да вот Алину, кого же еще мне любить. — улыбнулась женщина.

После чая с шарлоткой мы с Танькой вышли на балкон подышать воздухом, да и сидеть было тяжело — так объелись. Солнце уже спряталось за соседнюю девятиэтажку и было совсем не жарко.

— Тань, ты знаешь для чего применяют эфир? — спросила я у разомлевшей подруги.

— Эфир? На сколько я в курсе — для наркоза. А тебе зачем?

— Просто в голову пришло. — отговорила я.

Танька искоса посмотрела на меня и не поверила. Она меня слишком хорошо знала — просто так я вопросов не задаю. Но не объяснять же ей, что из-за какой-то непонятной тревоги я обыскала чемодан нашей гостьи и обнаружила там очень подозрительный флакон с эфиром. Стыдно ведь, несмотря ни на что.

Четверга я ждала с большим нетерпением — это был день, когда Максим должен звонить домой. Я решила никуда не ходить, а заняться делами, которые постоянно откладывала, так как очень их не любила. Например, давно пора было перегладить белье, пришить две пуговицы к банному халату и убрать, наконец, зимние вещи.

С самого утра Евгения Сергеевна и Алька мешали мне, постоянно предлагая свою помощь, потом утомонились и отправились в краеведческий музей. Время шло, а Максим не звонил. Во мне нарастала тревога, которую я сама себе не могла объяснить. Звонок раздался совершенно неожиданно, как это всегда бывает. Я бросилась к телефону, но это оказался вовсе не Максим, а совсем наоборот — Юрик.

— Привет, радость моя. Может быть встретимся сегодня? — услышала я томный голос.

— Ой, Юр, я пока не могу. Звонка жду.

— Какого звонка? — заинтересовался Юрик.

— Максим должен звонить.

— Ну и что? — в голосе моего мужчины появились обиженные нотки.

— Да ничего! — раздражение поднялось в моей душе и грозило вот-вот вырваться наружу.

— Ты какая-то последнее время не такая. — осторожно сказал Юрик. — Что-то произошло?

Его вопрос прозвучал так заботливо, что я, не медля ни секунды, рассказала про все свои переживания, про странное появление тети Жени, про еще более странную фотографию Альки и про свои дурные предчувствия.

— А теперь, Юр, еще и Максим не звонит. — жалобно закончила я свой рассказ.

— Ну день-то еще не кончился, позвонит.

— Считай, что кончился. У Максима режим — он всегда обедает между часом и двумя, а сейчас уже половина четвертого. Не позвонил во время обеда, значит сегодня уже не позвонит.

— Так, Марьяна, через пятнадцать минут выходи к подъезду. Там тебя Саша будет ждать и ко мне привезет. — скомандовал Юрик.

Я выключила утюг, переоделась и вышла на улицу. Джип уже дожидался в отдалении и я направилась прямо к машине. К черту конспирацию, итак нервы на пределе. Саша всю дорогу косился на мою угрюмую физиономию, но вопросов задавать не стал и молчал до тех пор, пока я не спохватилась.

— А куда мы едем?

— В офис к Юрию Геннадьевичу.

«О!» — подумала я — «Наконец-то узнаю, где работает мой любимый».

Саша завел машину во двор большого старого здания и остановил ее напротив среднего подъезда. Возле двери висела нарядная табличка с изображением шлема и меча, а надпись гласила, что здесь находится охранное агентство «Дружина».

— Нам сюда? — недоверчиво спросила я водителя.

— Сюда, сюда. — улыбнулся он и открыл передо мной дверь. — Проходите.

Когда я наконец оказалась в кабинете начальника, моему удивлению не было предела. На двери я заметила табличку с надписью «Директор», а внутри за огромным письменным столом сидел мой Юрик и счастливо улыбался. Когда дверь за Сашей закрылась, он подошел, обнял меня и поцеловал в макушку.

— Юра, ты что, директор охранного агентства?

— Не просто директор — это агентство частное и принадлежит мне. — не без доли хвастовства ответил он. — Проходи.

Мы сели на элегантный кожаный диванчик и Юра гостеприимно спросил.

— Чай, кофе?

— А у тебя и секретарша есть? — удивилась я, так как в холле не заметила никого, кроме бравого охранника в красивой синей форме.

— Секретаршу не держу, а кофе или чай способен заварить сам. — похвалился Юрик.

— Это хорошо, что ты не держишь секретаршу. — серьезно сказала я.

Юра покосился в мою сторону и начал заваривать чай. Колдуя, по своему обыкновению, над чайником он вдруг предложил.

— Расскажи-ка мне все подробно.

— А что рассказывать? Я же уже говорила ...

— Расскажи то, чего еще не говорила. — предложил он, ставя передо мной на столик чашку с ароматным чаем и тарелочку с кексами.

— Ты о чем?

— Да обо всем. — настойчиво предложил он. — Неужели нечего рассказать?

Я задумалась, потом мысленно махнула рукой и рассказала своему любимому мужчине про Максима и Альку, про наши непростые отношения с мужем и про мои замечательные отношения с девочкой. Чего уж скрывать, ведь он рассекретил для меня свой офис.

— И еще, Юр, происходит что-то странное. — добавила я после минутного молчания. — За мной кто-то следит.

— Следит? — хрипло переспросил Юрик и откашлялся.

— Да! Станный молодой человек, я засекла его в магазине, когда мы с Алькой сумку покупали. Потом несколько раз на улице чувствовала на себе пристальный взгляд. Что за ерунда вокруг нас твориться? Мне становится страшно за Алину.

Юра поднялся, взял со столика пустые чашки, спрятал их в шкаф и, не поворачиваясь ко

мне, преувеличенно бодро сказал.

— Не бойся, к твоим переживаниям это не имеет никакого отношения.

— Почему ты так думаешь? — удивилась я, но тут же кое-что заподозрила. — Слежка, это твоих рук дело?

Юра повернулся и смущенно пожал плечами.

— Но зачем?! Или это у тебя производственный травматизм — следить за всеми своими знакомыми?

— Марьяна, не надо преувеличивать. — нахмурился хозяин охранного агентства. — Я могу тебе все объяснить.

— Да уж, объясни, пожалуйста! — с вызовом сказала я.

— Ты сама виновата. — неожиданно выпалил Юра. — На все мои вопросы о тебе ты или отмалчивалась, или говорила, что ты замужем. А я так не могу. Мне хотелось знать гораздо больше о женщине, к которой я неравнодушен. Я подумал, может быть тебе помощь понадобится, и, как видишь, не ошибся.

— Так вот откуда ты знал, где я нахожусь, когда забирал меня с улицы. — укоризненно покачала я головой. — А то «сама сказала, сама сказала». Не стыдно было морочить мне голову?

Недавняя обида уже готова была возродиться с новой силой, тем более, что Юрик вид имел весьма виноватый, но я вспомнила все свои переживания и решила, что обидеться могу и позже.

— Позвоню Альке, я ведь сказала, что буду сидеть дома, а сама делась неизвестно куда.

Юра молча придвинул мне телефонный аппарат, а сам отошел к окну. Деликатный. Домашний номер оказался занят, я продолжала нажимать на кнопки и вскоре услышала длинный гудок вызова.

— Але? — раздался в трубке незнакомый голос, и я подумала, что попала не туда.

— Простите. — сказала я, но на другом конце провода громко закричали.

— Марианна, это ты? Господи, как хорошо, что ты позвонила!

Я тут же узнала голос Евгении Сергеевны. Он был полон паники, и у меня захолодело в груди от нехорошего предчувствия.

— Что случилось? Где Алина? — с трудом произнесла я, а Юра резко развернулся от окна и подошел ближе, внимательно глядя мне в лицо.

— Сейчас, сейчас она сама все расскажет. — крикнула женщина и позвала Альку.

Когда я услышала ее испуганное «але», сердце мое немного отпустило — жива, здорова и слава Богу.

— Алька, что там у вас случилось? — как можно спокойнее спросила я и посмотрела на Юрика.

— Марина. — всхлипнула девочка. — Я ничего не понимаю. Сейчас позвонили из милиции и спрашивали про папу.

— Что спрашивали? — насторожилась я.

— Когда в рейс уехал, звонил с дороги или нет, не передавал ли весточку. А я не помню точно, когда он уехал. — и Алька заплакала. — Марин, с ним что-то случилось, да?

— Подожди, не плачь. Они не оставили телефон?

— Оставили, просили, чтобы ты перезвонила срочно, а тебя дома нет. — и снова слезы.

— Диктуй телефон, я все выясню и перезвоню тебе. — Юра уже положил передо мной листок бумаги и ручку.

Я записала номер, попыталась ободрить Альку и положила трубку.

— Что? — спросил Юра.

— Звонили из милиции, интересовались Максимом. Спрашивали, когда он вышел в рейс и звонил ли с дороги. — монотонно перечислила я. — Юр, что это значит? С ним что-то случилось, да?

— Это можно выяснить прямо сейчас. Звони.

Он взял в руки листок и хмыкнул.

— Что? — испугалась я.

— Майор Киреев. — постучал он пальцем по записи. — Я его хорошо знаю. Думаю, что будет лучше, если я сам позвоню — больше информации получу.

Я смотрела, как Юра набирает номер, а в голове билась мысль: «Максим не позвонил, как обещал, а теперь им интересуется милиция — ничего хорошего ждать не приходится». После положенных приветствий Юрик спросил у своего собеседника, что за интерес у их конторы к Максиму Андреевичу Шепелеву. Выслушал ответ, поблагодарил и сказал, что принимает в этом деле участие.

— Я еще позвоню. — пообещал Юрик и положил трубку.

— Плохи дела. — ответил он на мой немой вопрос. — Его фуру сегодня утром обнаружили в двух километрах от трассы в лесу. Кабина разграблена, кузов пустой. Водителя нигде не нашли.

— Господи. — прошептала я, прижав руку к губам.

* * *

Через полчаса я уже была дома и обнимала плачущую Алину. Все-таки не зря я все больше влюбляюсь в Юрика, он и в этой трагической ситуации оказался на высоте.

— Вот что, Марьяна, давай-ка поднимайся, Саша отвезет тебя домой. — сказал он после того, как пару минут походил по своему большому кабинету и полюбовался на мой несчастный вид.

Мне и самой хотелось побыстрее оказаться дома, но Юркина инициатива задела мое самолюбие. Мог бы и не выпроваживать так откровенно. Видимо обида отразилась на лице, потому что Юрик опустил передо мной на корточки и ласково сказал.

— Ну что ты, моя, я же тебя не выгоняю. Просто считаю, что сейчас ты очень нужна Алине. Подумай сама, в такой момент с ней рядом только малознакомая тетка. И еще, я советую тебе ничего от девочки не скрывать, расскажи все как есть. Она уже достаточно большая, да и вообще, будет лучше, если сейчас вы не станете тратить свои силы на то, чтобы, якобы, сберечь друг другу нервы. Силы вам еще пригодятся.

— Спасибо тебе. — с чувством сказала я и поцеловала его в широкий гладкий лоб. — Вызывай Сашу.

Юрик поднялся и открыл дверь кабинета. Переговорив с охранником, он кивнул мне и, взяв за руку, как маленькую девочку, проводил до самой машины.

— Все мои телефоны ты знаешь, поэтому чуть что — сразу звони. Я тут тоже без дела сидеть не буду, заряджу своих ребят на параллельное расследование. Да, и вот еще, ты скажи Алине, что я твой друг и собираюсь вам помогать. Мало ли что, пусть мое существование не будет для нее неожиданностью.

И вот я дома, прижимаю к себе Альку мокрой от слез щекой, а рядом причитает Евгения Сергеевна. Ее причитания действуют мне на нервы, слишком надрывно, как-будто уже покойника оплакивает. Я подталкиваю Альку к двери моей комнаты и на ходу говорю нашей

гостье.

— Извините, Евгения Сергеевна, мне нужно успокоить Алину. Ничего, если вы немного побудете одна?

— Что ты, что ты, Марианна. — машет она руками. — Конечно. — но я уже закрыла за собой дверь спальни.

Алина своим еще неопытным сердечком чувствует, что уединились мы неспроста, в ее глазах стоят слезы, а руки сильно прижаты к груди. Мне будет тяжело, но Юрий прав — скрывать ничего не нужно.

— Алька, с твоим папой случилась беда. — начала я, сглотнув неприятный ком в горле. — Его машину обнаружили в лесу, в кабине кто-то пощуровал. Папу пока нигде не нашли.

— Тебе это в милиции сказали? — голос у девочки подрагивает, но видно, что она пытается справиться с собой.

— Да. Только сказали это не мне, а моему другу, он сам звонил в милицию.

— Какой друг? Ты мне не говорила о том, что у тебя есть друг.

— Есть. Его зовут Юрий Геннадьевич Ходулин и он хозяин охранного агентства.

— Частный детектив что ли? — у Альки округляются глаза.

— Можно и так сказать. Он хочет нам помочь, и я считаю это большим везением в нынешней ситуации.

— А ты меня с ним познакомишь?

— Конечно. — и я погладила девочку по голове. — Давай, будем надеяться на лучшее, договорились?

Алька кивнула и мы еще некоторое время посидели обнявшись, пока в прихожей не раздался телефонный звонок. Меня будто пружиной подбросило — звонок был резкий, как междугородний. Пока я из спальни добежала до коридора, Евгения Сергеевна уже сняла трубку и по ее просветлевшему взгляду я поняла, что звонок ее обрадовал. Господи, пусть это будет Максим, и все наши переживания прямо сейчас закончатся, молила я. Но это оказался не Максим, а сын Евгении Сергеевны — Саша. Они поговорили всего минуты три но, когда наша гостья положила трубку, на лице ее блуждала довольная улыбка. Очевидно, сын сообщил какие-то приятные новости. Вот бы и нам с Алькой такие же.

Максим очнулся от того, что несколько раз ударился головой о жесткий борт спального места в своем же собственном фургоне. Как только он открыл глаза, то вспомнил сразу все. На пустой трассе голосовал молодой мужчина совершенно неопасной наружности, такой классический «тюфяк». Полный, в свободной одежде с широким, слегка отечным лицом. Но, несмотря на отечность, как-то сразу было понятно, что это не от чрезмерного употребления алкоголя, а от какой-то внутренней болячки. Может быть с почками что-то? Уж слишком отчаянно он махал руками и подпрыгивал на месте, поэтому Максим и нарушил правило опытных дальнбойщиков — пассажиров не брать, тем более на трассе, где по обе стороны от дороги стоял темный хвойный лес. Но Максим помнил, что за последние пятнадцать минут его обогнал всего лишь один запыленный «жигуленок» и еще неизвестно, когда появится следующая машина и посадит ли смешного толстяка. Вон «жигуленок»-то не посадил, хотя в машине было всего два человека.

Мужик пять минут сыпал благодарностями, одышливо хрипя от переполнявших его чувств. Максим посмеивался, все больше убеждаясь, что он оказался прав и опасности случайный пассажир не представляет. Но тут пассажир вдруг заволновался, стал вертеться

на месте, перебирая свой нехитрый багаж, и заявил, что ему придется вернуться, так как у дороги в траве остался пакет с очень нужными вещами.

— Значит не судьба мне с вами доехать. — сокрушенно вздыхал мужик, пока Максим пристраивал длинную фуру на обочине.

Ответить уже не пришлось, потому что пассажир неожиданно взмахнул одним из своих многочисленных пакетов и голова у Максима как будто взорвалась.

Вместе с воспоминаниями пришла боль — самая сильная в голове, немного слабее по всему телу. Саднило лицо, потому что рот был заклеен широким скотчем, а при внимательном рассмотрении обнаружилось, что руки и ноги тоже обмотаны серым скотчем. «Влип!» — забило в раненой голове. Теперь и тупорылый револьвер, стреляющий резиновыми плотными шариками, не поможет. А Максим так радовался, когда купил его по случаю у приятеля, верил, что теперь он в дороге защищен от всяких неприятностей. Но ничто не может защитить от собственной глупости и непредусмотрительности. В памяти неожиданно всплыла прочитанная где-то фраза — трудно избежать будущего. Да уж!

Машина уже давно прыгала по неровностям грунтовой дороги и мотор натужно взреывал, возмущаясь тем, что за рулем явно сидит человек, который никогда не водил большегрузные фуры. И тут машина неожиданно остановилась, занавеска отдернулась и Максим увидел знакомое одутловатое лицо, на котором не осталось и следа добродушия.

— Вылезай, только без глупостей. — скомандовал мужик и для убедительности повертел перед носом Максима его же собственным пистолетом.

«Нашел, гад!» — с досадой мелькнуло в голове при виде револьвера, все-таки в глубине души Максим еще рассчитывал воспользоваться дорогим приобретением. Он послушно выбрался из кабины, несколько раз больно ударившись о разные выступающие части, так как ноги и руки продолжали быть связанными. Может еще все обойдется — денег при нем нет, груза тоже. Бандит убедится в этом и отпустит на все четыре стороны. Сердце екнуло от робкой радости, когда толстяк наклонился и тонким длинным лезвием перерезал Максиму скотч на ногах.

— Иди! — мужик толкнул Максима в спину в направлении еле видной тропинки.

Они прошли метров тридцать и вышли на окраину узкого болота, тянувшегося между двумя земляными увалами. Максим остановился и со страхом уставился на бурую, утыканную гнилыми корягами, поверхность топи. Судьба играла с ним злую шутку. Ничего в жизни Максим так не боялся, как вот такой вонючей, вспенивающейся болотными газами, трясины. На всю жизнь он запомнил кадры из фильма «А зори здесь тихие», где простая деревенская девушка Лиза Бричкина медленно тонула в болоте, а жижа заливалась ей в рот, а потом и в глаза. Особый ужас вызывали прощальные пузыри на потревоженной поверхности трясины. И сейчас он с тем же острым ужасом понял, что вся его робкая радость тщетна. Это конец!

Именно осознание близкого конца заставило Максима запоздало подумать о сопротивлении. Он же сильный и на голову выше отечного мужика. Максим отпрянул от края болота, рванул руки, одновременно пытаясь достать бандита ногой, но тут же получил резиновую пулю в грудь, не удержался и оказался в топи по колени. Ему казалось, что еще не поздно, что еще можно поднять ногу и шагнуть на твердую землю, но вторая пуля заставила его опрокинуться на спину и жижа, гораздо быстрее, чем в памятном фильме залила ему глаза и нос. Она бы залила и рот, но ей мешал гладкий серебристый скотч. Последним, что мелькнуло в умирающем сознании Максима, был мимолетный образ дочки.

Толстяк немного постоял у края болота, дождался запоздавшего, самого большого пузыря воздуха, который лопнув, немного обрызгал грязью его бесформенные брюки. По спине пробежал легкий холодок — все-таки до этого ему не приходилось убивать людей. Он поднял руку, чтобы вытереть со лба пот и обнаружил в ней тупорылый револьвер. Пришла пакостная мыслишка, что в кабине можно поживиться еще чем-нибудь. Мужчина вернулся по тропинке назад к машине и минут пять переворачивал там все вверх дном. Добыча была неважнецкая: распечатанный блок сигарет, барсетка с документами, дорожный электронный будильник и кое-какие личные вещи Максима. Удивило наличие в огромном бардачке нескольких библиотечных книг. Толстяк любил на досуге почитать что-нибудь завлекательное, но обнаружить в простом шофере посетителя библиотеки было необычно. Он рассовал награбленное в свои пакеты и направился по следам протекторов к трассе. Час назад мужчина уже поймал попутный «жигуленок», чтобы обогнать фуру Максима и попроситься к нему в кабину, сейчас тоже запросто остановит какой-нибудь автомобиль, чтобы вернуться домой. Его подвезут, потому что внешность неуклюжего толстяка совершенно не вызывает подозрений.

* * *

Я провела кошмарную ночь. Алька во сне стонала и ворочалась, а у меня сердце сжималось от тоски, потому что умом я прекрасно понимала, что пустая разграбленная фура в лесу может означать самое страшное — Максима нет в живых. Я пыталась вызвать в памяти его лицо, но получалось плохо и это расстраивало меня еще сильнее. Физическая близость нас с мужем уже очень давно не связывала, поэтому ни его запаха, ни его прикосновений я совершенно не помнила. Тем более, что в последнее время их напрочь вытеснили запах и прикосновения Юрика. Юрик! Как мне хотелось позвонить ему прямо сейчас, чтобы услышать, что он не спит, волнуется обо мне, ищет Максима. А может быть у него уже есть какие-нибудь утешительные новости, просто не решается звонить среди ночи?

Надо же, всего несколько часов назад меня всерьез занимала проблема внезапно объявившейся Евгении Сергеевны, странной Алькиной фотографии и пузырька с эфиром в чемодане нашей гостьи. Сейчас мне все это казалось сущей ерундой по сравнению с бедой, которая обрушилась на нас так внезапно.

Мучаясь подобными мыслями, я уснула только под утро, а в восемь часов проснулась от телефонного звонка. С трудом поднявшись, я дотащилась до прихожей и сняла трубку.

— Астахова Марианна Викторовна? — спросил строгий мужской голос.

— Да. — ответила я, пытаюсь стряхнуть с себя тупую одурь после бессонной ночи.

— Вы не могли бы подъехать к десяти часам в городской морг для опознания? — сухо поинтересовался мужчина.

— Для какого опознания? — похолодела я.

— В рамках розыскных мероприятий по уголовному делу об исчезновении вашего мужа Максима Андреевича Шепелева был обнаружен труп. — терпеливо начал разъяснять мужчина.

— Труп Максима? — ужаснулась я.

— Это пока не доказано, требуется, чтобы труп опознали родственники. Так вы приедете?

— Да. — еле слышно ответила я.

— А кто-нибудь еще из родственников сможет приехать с вами?

— Нет! — почти крикнула я. — Я приеду одна. Говорите адрес.

Строгий голос продиктовал мне адрес, я вкривь и вкось записала его дрожащей рукой и положила трубку.

— Что, Марианна? — услышала я у себя за спиной.

В дверях гостиной стояла Евгения Сергеевна и внимательно смотрела на меня.

— Вызывают в морг, для опознания. — коротко сказала я.

— Господи! — женщина истово перекрестилась.

— Вот что, Евгения Сергеевна, Алина пусть спит, вы ее не будите. Когда проснется, то скажите, что я ушла по делам, не надо ее пугать раньше времени. Хорошо? А еще лучше съездите с ней куда-нибудь, отвлекитесь немного.

— Не волнуйся, иди, я все сделаю как надо. — закивала женщина, а я снова сняла телефонную трубку. Нужно было позвонить Юре.

— Да, Марьян, я уже все знаю. — с сочувствием произнес Юрик, когда выслушал мой рассказ. — Просто не думал, что тебе позвонят так рано. Мои ребята как раз были на месте происшествия, когда обнаружили труп.

— Значит это все-таки Максим. Его убили, да? — выдавила я.

— Да, Марьян, тут никаких сомнений нет. — вздохнул Юрка.

— Как он умер? — мне вдруг стало необходимо узнать как умер мой муж и отец Алины.

— Он утонул в болоте.

— А почему решили, что это убийство?

— Руки связаны, рот залеплен скотчем. — коротко пояснил Юра.

Мне стало нехорошо. Как же я буду опознавать Максима, если он в таком виде? Моя решимость испарилась как сигаретный дым и я робко заговорила.

— Юр, а не мог бы ты ...

Но мой любимый мужчина даже не дал мне закончить.

— О чем ты говоришь, Марьяна! Собирайся, я за тобой заеду — в морг пойдем вместе.

— Спасибо. — прошептала я, тихо опустила трубку на аппарат и пошла принимать душ.

Чередование горячих и холодных струй сделали свое дело — голова просветлела и я пришла в себя настолько, что смогла выпить чашку крепкого кофе, который заботливо приготовила для меня Евгения Сергеевна.

Ровно в девять раздался звонок в дверь, я открыла и увидела на пороге Юрика собственной персоной. Он окинул меня встревоженным взглядом, но, видимо, остался доволен моим состоянием. Я быстро познакомила их с Евгенией Сергеевной, схватила сумку и вышла из квартиры. Я очень боялась, что Алька может так не вовремя проснуться и начать задавать вопросы.

Морг — это ужасное заведение! Особенно меня потряс контраст между приемным отделением, где на подоконнике в маленьких горшочках преспокойно жили и цвели комнатные растения, и огромным холодным гулким залом, где стояли столы с трупами. Жить и цвести здесь ничего не могло по определению. Вряд ли без Юры я смогла бы даже зайти в этот зал, не говоря уже о том, чтобы посмотреть на труп, прикрытый серой простыней.

Это был Максим. Узнать его оказалось не трудно, так как в болотной жиже он пробыл не так уж и долго. Его, конечно, отмыли от грязи, но вьевшаяся в складки кожи чернота кое-где осталась. Я была уверена, что упаду в обморок, как только увижу мертвого мужа, но оказалось, что я сильнее, чем думала сама.

Юра все время был рядом и ненавязчиво держал меня под локоть. Мы вышли на воздух, я вдохнула полной грудью и почувствовала, как начала кружиться голова. Сейчас бы скорее домой, но возле крыльца маячил следователь с большой черной папкой в руках. Все формальности мы уладили прямо на улице, я подписала протокол опознания и Юрик повез меня домой. Предстояло самое сложное — сообщить о случившемся Алине. Господи, дай мне силы!

Юра остановил машину возле нашего подъезда, мы вышли и направились к двери. На лавочке сидела баба Тоня, наша соседка и по ее лицу было видно, что ей хочется со мной поговорить. Очень это было не вовремя, поэтому я коротко поздоровалась и уже собралась войти в подъезд, как баба Тоня все-таки заговорила.

— Марина, как там у Алины дела, ты ее видела?

— В каком смысле? — удивилась я. — Когда я утром уходила, она еще спала. А что такое?

— Батюшки, так ты не знаешь ничего?! — всплеснула руками старушка.

Я вдруг почувствовала, как задрожали все мои внутренности и стали скручиваться в тугую узел. Юра посмотрел на меня и тут же взял инициативу в свои руки.

— Вы не могли бы сказать, что случилось? — вежливо спросил он бабу Тоню, чтобы не испугать. Она и так поглядывала на него настороженно.

Старушка вопросительно уставилась на меня, а я только смогла кивнуть ей, разрешая отвечать на Юрины вопросы. Говорить я пока не могла, слишком сильным оказался спазм.

— Так увезли Алину на «скорой». — оживленно ответила соседка.

— Когда? — нахмурился Юра.

— Больше часа уже прошло.

— Расскажите поподробнее, пожалуйста. — настойчиво сказал он.

— Я мусор пошла выносить. — приступила к подробностям баба Клава. — Смотрю, у нашего подъезда машина «скорой помощи» стоит. Господи, думаю, уж не к Сергеевне ли со второго этажа? Вчера она на сердце жаловалась. Ан нет, выходит из подъезда ваша гостья и почти несет на руках Алину. Если бы это ты с девочкой была, то я бы непременно подошла, а так постеснялась. Да и очень быстро все сделалось — дверь у машины была открыта, шофер Алину принял, тетка ваша следом залезла и были таковы.

— Шофер? — переспросил Юрик.

— Ну да.

— А врач и медсестра где в это время были?

Баба Тоня растерянно посмотрела на Юру, потом на меня и медленно сказала.

— А не было их. — потом более энергично. — Точно, не было. Это что ж такое получается?

— А номер машины вы, случайно, не запомнили?

— Нет, сынок, не запомнила. «Скорая» и «скорая», как-то даже и в голову не приходит, что у нее тоже номер есть, как у всех машин. — сокрушенно покачала головой баба Тоня.

— Спасибо вам. — сказал Юра и потащил меня в подъезд.

— Да! — крикнула нам вслед соседка. — Машина-то вся грязная была, запыленная.

Я никак не могла попасть ключом в замочную скважину, Юра отобрал у меня связку, открыл дверь, потом тщательно запер ее за нами и кинулся к телефону.

— Это я. — сказал он в трубку. — Срочно проверь по всем больницам не поступала ли к ним по «скорой» Алина Максимовна Шепелева, шестнадцать лет. Начни с Советского района. Нет, диагноз не знаю. И еще, свяжись с Примаковым, пусть пробыет посты ГИБДД на выездах из города. Машина «скорой помощи» с иногородними номерами, грязная и пыльная. Примерно час назад. Все!

Юра дал отбой и повернулся ко мне.

— Теперь посмотрим квартиру. Давай внимательно — что пропало или лежит не на своем месте. Может записка какая.

Я судорожно вздохнула, а Юра обнял меня за плечи.

— Понимаю, Марьянка, тяжело тебе, но дорога каждая секунда. Больницы, конечно, мы проверим, но я думаю, что Алины там нет.

— Почему?

— Потому что в машине не было ни врача, ни медсестры. Напрашиваются два варианта — или это была не «скорая помощь», а очень похожая машина, или спецавтомобиль угнали.

— Юра, зачем? Я ничего не понимаю. Кому понадобилось угонять автомобиль, чтобы посадить туда Алину с Евгенией Сергеевной и увезти куда-то? Зачем? — и я разревелась, не дожидаясь ответа на свои многочисленные вопросы.

Все-таки должность директора охранного агентства накладывает отпечаток на человека. Юрке было меня очень жалко, сердце в его груди, куда я уткнулась мокрым носом, учащенно билось, но расклеиваться и впадать в истерику он мне не позволил.

— Марьяна, родная моя. — сказал он, взяв мое лицо в свои ладони и глядя в заплаканные глаза. — Времени нет совсем, нужно осмотреть квартиру. Если сообщат, что Алька в больнице, то мы все бросим и поедem к ней. А если нет? Выпей валерианки и начнем.

— Не надо валерианки. — решительно сказала я. — Со мной все в порядке.

— Вот и умница. — Юрик подтолкнул меня в сторону гостиной.

Я вошла и стала внимательно осматриваться. Юра молча ходил рядом и цепким взглядом выхватывал отдельные детали обстановки. Вроде бы все находилось на своих местах, ничего не сдвинуто, не переставлено и не опрокинуто. Я пошла в свою спальню. Кровать не была заправлена, но это ни о чем не говорило, Алька часто манкировала своими домашними обязанностями, ссылаясь на то, что ей не хватило времени. И тут я увидела на полу возле кровати чистую белую салфетку.

— Что это? — Юрик тут же оказался возле меня, потянул носом и уверенно сказал. — Эфир.

— Черт! — крикнула я и ринулась в Алькину спальню.

Там я заглянула во все уголки и в растерянности остановилась посреди комнаты.

— Что? — спросил Юра.

— Чемодан. — упавшим голосом сказала я.

— Если я правильно понял, тетушкин чемодан исчез? — уточнил он.

— Да, а в нем был флакон с надписью «эфир» и вот эта салфетка. — кивнула я на тряпочку в его руке.

— Она тебе что, показывала флакон?

— Нет, я сама залезла в чемодан, потому что внезапный приезд тетушки не давал мне покоя. Я тебе уже говорила, что меня мучили смутные подозрения. Как видишь — не напрасно. Я даже у подружки спрашивала для чего применяют эфир.

— А у меня спросить не могла?

— Не могла, потому что не знала, что ты крутой сыщик. — парировала я.

— Ну, пропажа чемодана лишний раз подтверждает версию об угнанной машине. — задумчиво сказал Юра.

— Так кого из них все-таки похитили Альку или Евгению Сергеевну? — резко спросила

я.

Очень хотелось хоть какой-то определенности. Но больше всего хотелось, чтобы прямо сейчас Юрик уверенно сказал мне, что Алька попала в этот переплет случайно и ее обязательно скоро отпустят. Но, увы, это были несбыточные надежды. Неожиданно у Юры зазвонил сотовый телефон. Он несколько минут слушал доклад своего сотрудника, вставляя лишь междометия, а потом нажал отбой. На мой отчаянный вопросительный взгляд пояснил.

— Ни в одной больнице Альки нет, а вот машина с похожими приметам и примерно в нужное время действительно выезжала из города. Значит чутье меня не подвело. Ты не знаешь откуда приехала тетушка?

— Она не упоминала место, но сказала, что жила недалеко от Алькиных родителей, километрах в пятидесяти. Максим же приехал сюда с дочерью откуда-то из-под Саратова. — вспомнила я.

— Все сходится. — Юра ударил ладонью по столу. — Машина ехала именно в этом направлении.

— Я ничего не понимаю! — отчаянно замотала я головой.

— Так, Марьяна, слушай внимательно. — Юрик сел на диван и усадил меня рядом. — Сейчас мы поедем ко мне в офис и ты ответишь там на все вопросы, которые возникнут у моих оперативников. Кое-что они уже начали делать, но, чем полнее информация, тем быстрее все это закончится. Я, тем временем, займусь организацией похорон Максима.

При этих словах я вздрогнула и схватилась за голову. Как же я могла забыть о похоронах?!

— Ты не волнуйся, все будет как надо. О деньгах тоже не беспокойся — мы с тобой не чужие друг другу. — пресек он мои жалкие попытки возразить. — Соседям скажи, что Алька в больнице. Ну там, нервный срыв после смерти отца. Придумай что-нибудь.

Я снова заморгала, прогоняя слезы и уткнулась в большое Юркино плечо. Стало немного легче от того, что сильный и добрый мужчина взял на себя все мои беды и заботы. И, как бы в подтверждение этих мыслей, Юрик добавил.

— Жить пока будешь у меня.

— А как же Алька, вдруг она сможет позвонить домой, а меня нет? — не согласилась я.

— Через полчаса сюда подъедут ребята и организуют переадресовку всех твоих звонков на мой домашний телефон.

— И что, такое действительно возможно? — не поверила я.

— Тебе и не снилось, какая есть хитрая аппаратура. Поверь мне на слово. — не без гордости сказал Юрик.

* * *

Алина открыла глаза и уставилась в низкий грязный потолок над собой, который к тому же равномерно покачивался. Потолок был утыкан какими-то скобками и кронштейнами. «Где это я?» — подумала Алька и немного повернула голову. В носу стоял запах сушеных яблок, а голова была какой-то гулкой. Теперь девочка поняла, что находится в кузове машины «скорой помощи», а в кресле рядом с собой увидела тетю Женю, которая в задумчивости смотрела вперед через единственное прозрачное стекло.

— Теть Женя. — позвала Алина и тут же закашлялась, потому что в горле запершило и отчаянно заскреблось.

— Ах ты! — всполошилась тетушка. — Проснулась, девочка моя. Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. — хрипло выдавила Алина. — вот только горло.

— Это пройдет. — радостно заверила ее Евгения Сергеевна. — Попей водички.

Она постучала в окно, отгораживающее кабину от кузова, и попросила у водителя бутылку с минеральной водой. Алина попила и ей действительно стало лучше.

— Куда мы едем? — спросила она уже нормальным голосом. — И где Марина?

— Едем мы в больницу к Марьяниному знакомому доктору. Она договорилась, что тебя положат на обследование. А сама она сейчас у твоего папы в другой больнице.

— Так он нашелся?! — вскрикнула Алина громко, так, что водитель «скорой» заинтересованно заглянул в окно.

— Нашелся, нашелся. — рассмеялась Евгения Сергеевна. — в аварию он попал и без сознания угодил в хирургическое отделение. Пока из наркоза не вышел, никто его имени не знал, потому что все его документы какие-то паразиты украли вместе с барсеткой.

— Значит мама у него? — снова уточнила Алина.

— Мама? — переспросила тетушка, слегка нахмурившись, а Алька тут же смутилась.

— Я Марину иногда про себя так называю. — начала объяснять девочка. — Она очень хорошая, а я никого с самого рождения мамой не звала.

— Ну, тебе виднее. — слегка поджала губы Евгения Сергеевна.

«Зря я, наверное, при ней оговорилась» — подумала Алина. — «Все-таки тетя Женя двоюродная сестра моей настоящей мамы и ей это может быть неприятно».

Тут машина въехала во двор и остановилась у небольшого больничного корпуса. Водитель вышел и отправился в приемный покой. «Какой смешной толстяк» — подумала Алька, глядя на его мешковатую одежду.

— Теть Жень, а меня-то зачем к врачу? — наконец догадалась спросить девочка.

— А ты разве ничего не помнишь?

Алина только покачала головой.

— У тебя был сильный нервный срыв и ты потеряла сознание, когда подумала, что папы нет в живых. Мы вызвали врача, он сделал тебе укол и ты уснула. Но Марьяна решила, что тебе обязательно надо пройти обследование и позвонила своему знакомому доктору.

— Что-то много у Марины знакомых мужчин объявилось в последнее время. — недовольно буркнула себе под нос Алька.

— Ты что-то сказала? — повернулась Евгения Сергеевна.

— Да нет, просто мысли вслух. — Алине почему-то не захотелось обсуждать Марининых знакомых с тетей Женей.

Очень вовремя на крыльце появился водитель и махнул им рукой. Алина вполне бодро прыгнула на землю и вместе с тетушкой они направились к больничному корпусу. Девочка еще ни разу в своей жизни не лежала в больнице, поэтому с интересом рассматривала крашеные в белый цвет стены приемного покоя, небольшую очередь из тех, кто собирался лечиться, а особенно ее заинтересовал молодой человек с большой профессиональной видеокамерой на плече. Пожилая медсестра сердито выговаривала ему, показывая рукой на выход.

— Ну все, хватит уже, поснимали и хватит. Нам работать надо.

Молодой человек задорно улыбался, пятясь к двери, а когда увидел, что Алина на него смотрит, лукаво подмигнул и в последний раз широко обвел объективом камеры помещение

приемного покоя.

— Беда с этими репортерами. — продолжала ворчать медсестра. — Ну чего интересного в том, что кандидату в депутаты в кафе набили морду. Нет, нужно тут же соваться в отделение с камерой.

«Чудной какой» — подумала Алька про молодого человека, но тут тетя Женя потянула ее за руку в боковую дверь, потом они прошли по коридору и постучали в другую дверь, на которой было написано ПРОЦЕДУРНАЯ.

В комнате находился врач в светло-зеленом халате и такого же цвета шапочке. Он стоял возле окна и курил в открытую фрамугу. Вид у него был какой-то замученный, а взгляд встревоженный.

— Здравствуйте, Валерий Андреевич, вот и мы. — голос у Евгении Сергеевны стал немного заискивающим.

— Здравствуйте, дверь закройте, пожалуйста. — доктор нервно взмахнул рукой. — Проходите.

Алине вдруг сделалось не по себе. В комнате пахло лекарствами, стояли небольшие столики, прикрытые белыми салфетками, на двух кушетках лежали коричневые клеенки. «А курить здесь точно нельзя» — с раздражением подумала девочка.

Доктор, наконец, выбросил сигарету и прикрыл фрамугу. Встретившись взглядом с Алиной, он понял, что та нервничает и тут же широко улыбнулся.

— Прощу. — показал он на одну из кушеток и, когда Алина села, спросил. — Как нас зовут?

— Алина.

— Это хорошо, что Алина. — протянул Валерий Андреевич, а его мягкие пальцы уже ощупывали Алинину шею, мяли за ушами и оттягивали нижние веки.

— А вы давно знаете Марину? — вдруг спросила Алька.

— Марину? — доктор от неожиданности убрал руки и посмотрел на Евгению Сергеевну. — А, ну конечно! Лет пять уже точно. Давай-ка ложись, я тебя посмотрю.

Алина вытянулась на кушетке и минут десять терпела, пока Валерий Андреевич прощупывал ее живот, простукивал и прослушивал легкие, а под конец даже измерил ей давление. Таким же аппаратом Марина иногда мерила давление соседке бабе Тоне.

— Ну, что я могу сказать. — доктор повернулся к Евгении Сергеевне. — В целом девочка здорова, но нужно будет сделать серию анализов, чтобы убедиться окончательно.

— А это долго? — встревожилась тетушка.

— Думаю, что за два дня управимся. Сейчас вам покажут палату, а после вы принесете все необходимое.

Все втроем они вышли из процедурного кабинета и Валерий Андреевич махнул рукой медсестре, которая что-то записывала в большой журнал.

— Проводите девочку в бокс. — распорядился он и, попрощавшись, скрылся за дверью с надписью ОРДИНАТОРСКАЯ.

Бокс представлял из себя отдельную маленькую палату, где стояла одна кровать, одна тумбочка, один стул и телевизор на низком столике. Справа от входа находился крошечный санузел. Зато окно было большое, во всю стену и занавески на окне были веселенькой расцветки. Особенно Альку обрадовал телевизор.

— Ну, ты оставайся, а я сейчас схожу в магазин и куплю тебе все, что нужно. — сказала Евгения Сергеевна.

— Хорошо. — послушно ответила девочка. — А меня уже через два дня выпишут?

— Через два дня будут готовы результаты анализов, а там уж доктор решит, что дальше делать. Ну я пошла, скоро приду.

Тетя Женя ушла, Алина присела на кровать, потом выглянула в окно и решила включить телевизор, потому что больничная тишина уже начинала давить на уши. Телевизор нагрелся и громко заорал голосом певицы Чечериной. Алька испуганно убавила звук и осторожно выглянула в коридор, проверяя, не потревожила ли кого. В коридоре стояла Евгения Сергеевна с доктором, они что-то живо обсуждали. Доктор объяснял, а тетушка кивала головой и задавала вопросы.

«Лучше бы меня сюда привезла Марина» — почему-то с раздражением подумала Алина. Ей вдруг очень захотелось увидеть отца, она даже представила, как Марина сидит рядом с ним и поправляет сбившуюся простыню. Она бы тоже могла сидеть рядом с папой и подавать ему питье, но Марина зачем-то отправила ее на обследование. Чего обследовать, когда она чувствует себя прекрасно?

«Ладно, два дня потерплю, а потом попрошусь домой» — решила девочка и села смотреть телевизор.

Юра так быстро все организовал, что похороны состоялись уже на следующий день после нашего похода в морг и исчезновения Алины с Евгенией Сергеевной. Ночь прошла для меня как одно мгновение. Я приняла какие-то таблетки и через несколько минут как-будто с головой окунулась в мягкое облако, а еще через несколько минут меня уже будил Юра. Я не сразу сообразила, что настал новый день и не сразу вспомнила, какие беды обрушились на мою семью.

Еще вчера вечером я позвонила Татьяне и все ей рассказала. Она пообещала известить начальника Максима о времени похорон и предложила свою помощь. Так как тело Максима должны были доставить из морга домой в одиннадцать часов, то мы договорились с Танькой встретиться там в десять. Юра отвез меня в квартиру и оставался до тех пор, пока не появилась подруга. Несмотря на траур, Татьяна с большим интересом разглядывала моего мужчину и по выражению ее лица я поняла, что Юрик получил высший балл.

В одиннадцать мы с Таней сели у гроба, а в квартиру стали заходить соседи. В основном это были пожилые люди, которые к смерти относятся более философски, чем молодежь. Я сидела, смотрела на мертвое лицо мужа, но мысли мои при этом были об Алине. Ближе меня у девочки не осталось никого, если не брать в расчет новоявленную тетушку и ее сына. Пять лет я воспитывала Альку как мать и отчасти как подруга. Мне приходилось вникать в ее девчоночьи проблемы, как морального, так и физического плана. Она ни разу не назвала меня мамой, только Мариной, но я и не претендовала. Мне хватало того, что Алька иногда подсаживалась ко мне на диван, прижималась к моему плечу и начинала рассказывать что-нибудь сокровенное. Именно так я общалась со своей мамой и считаю это подарком судьбы.

От раздумий меня оторвал Юрик, он тихо вошел в комнату и на мой вопросительный взгляд покачал головой. Новостей об Алине и Евгении Сергеевне не было. Вскоре в комнате началось движение и мы все вышли к подъезду. В глаза бросались пять огромных разноцветных фургонов, выстроившихся в ряд вдоль дома. Это друзья Максима приехали проводить его в последний путь. И всю дорогу до кладбища мой мозг сверлили надрывные гудки автомобильных клаксонов.

Когда я бросала на крышку гроба комья земли, то поклялась Максиму, что не пожалею никаких сил для благополучия его дочери. Может быть это было несколько театрально, но

необходимо для того, чтобы не впасть в отчаяние. Юра и Танька все время находились возле меня, временами тревожно заглядывая мне в глаза. Но они зря переживали, я не собиралась расклеиваться. Сейчас главное для меня — это Алька.

Люди шли мимо могилы и я провожала каждого рассеянным взглядом. Вот ребята-водители, которые работали вместе с Максимом — они держались все вместе, лица их были суровыми, на скулах играли желваки. Да, вполне может быть, что это не первый случай, когда кого-то из их братии находили в лесу мертвым. Опасная у них работа. И тут мое внимание привлёк неуклюжий толстый человек с одутловатым лицом. Он шел сразу за водителями и я сначала решила, что это один из них. Как же так, он явно пьющий, подумала я. Толстяк наклонился и набрал земли сразу в обе руки, постоял над раскрытой могилкой чуть дольше, чем другие и каким-то детским, неуклюжим жестом бросил туда землю. Когда он проходил мимо меня, я услышала его хриплую одышку и поняла, что человек отнюдь не запойный, а просто чем-то серьезно болен.

Поминки проходили в небольшом кафе, да и народа-то было не так уж и много. За нашим столом, кроме меня, Татьяны и Юрика, сидели два Юркиных сотрудника. Они производили очень хорошее впечатление — приятное поведение, спортивные фигуры. У одного из них зазвонил сотовый телефон, он молча послушал и отдал трубку Юре. Юра слушал и время от времени бросал на меня взгляды. Я поняла, что есть какая-то информация.

— Нашли машину. — коротко сказал Юра, возвращая телефонную трубку.

— Где? — спросила я.

— В Саратове, на окраине города. Она действительно была угнана с Подстанции скорой помощи. Сейчас ребята прозванивают все Саратовские больницы.

— А что будем делать мы? — в отчаянии спросила я.

Юра внимательно посмотрел на меня, потом по очереди на своих сотрудников, вздохнул и решительно сказал.

— Пока подождем результатов, а завтра навестим вашу таинственную Евгению Сергеевну.

— Где, в Саратове? — удивилась я.

— Как ты и говорила, в пятидесяти километрах от Саратова есть рабочий поселок, где и проживает ваша тетушка с великовозрастным сыном.

— Я с тобой! — решительно сказала я.

— И меня тоже возьмите. — попросила Танька.

— Да, и ее тоже возьмем. — обняла я подругу за плечи. — Мне с ней спокойней будет.

Оба сотрудника тут же деликатно стали смотреть в сторону, чтобы не мешать своему начальнику принимать важное решение — брать с собой двух совершенно бесполезных в оперативной работе женщин, или не брать. Но, очевидно, наши с Татьяной взгляды — мой полный решимости, а ее полный мольбы — возымели свое действие.

— Ладно. — наконец сказал Юрик. — Едем все вместе, снимем в гостинице два номера. Только попрошу меня слушаться и никакой самодеятельностью не заниматься.

Мы с легкостью пообещали бы все, что угодно, а не только это, так что Юрик остался доволен.

Через час тетя Женя вернулась и принесла Алине зубную щетку и пасту, тапочки и веселый летний халатик. Еще в пакете лежали фрукты и несколько иллюстрированных журналов.

— Ну, давай, переодевайся, а одежду я повешу в шкаф.

— Теть Жень, а вы Марину сегодня увидите? — спросила Алька, стягивая через голову футболку.

— Нет, деточка, не увижу. Она будет дежурить в больнице. А что?

— Очень хочется узнать, как там папа. — вздохнула Алина. — И угораздило же меня потерять сознание, сейчас бы тоже сидела возле папы.

— Ничего, потерпи немного, авось скоро свидишься с папкой. — и тетушка почему-то перекрестилась.

Как ни странно, но на новом месте Алина спокойно проспала всю ночь. Не успела она позавтракать, как за ней пришла молоденькая медсестра и началась беготня из кабинета в кабинет. Алина сдала кучу всяких анализов, ее осматривали, вертели из стороны в сторону, ощупывали и измеряли. Все это было так утомительно и непривычно, что к вечеру девочка стала как выжатый лимон.

— Да, замучили тебя сегодня. — посочувствовала медсестра, когда Алина брела мимо поста. — Вон, карточка уже как распухла от всяких бумажек.

На столе лежала медицинская карта, на лицевой стороне которой было крупно выведено БОКС № 2 и стояло вчерашнее число. Больше никаких надписей не было.

«Странная какая-то карта» — вяло подумала Алька. — «Ни тебе имени, ни фамилии». Еще ей показалось странным, что весь день, в каком бы кабинете она не была, туда обязательно заглядывал доктор Валерий Андреевич. Перекидывался парочкой слов с персоналом, бодро подмигивал Альке и исчезал.

Позвали на ужин и она нехотя поплелась в столовую. Ковыряя ложкой гречневую кашу, Алина обратила внимание на дальний стол, за которым разместилось четверо мужчин в спортивных костюмах. Они громко разговаривали, чем заслужили замечание от проходившей мимо врачихи. И тут за их спинами Алина увидела вчерашнего водителя со «скорой помощи». Он сидел вполоборота и сосредоточенно жевал, но Алька его сразу узнала по рыхлым безвольным плечам и отросшим волосам на затылке.

«Вот это да!» — подумала она. — «Еще вчера он был за рулем, а теперь сидит в больничной столовой».

Наверное впервые у девочки мелькнула мысль, что жизнь человеческая иногда делает такие крутые повороты, что не успеваешь за ней уследить.

Первое же сообщение, которое Юра получил после размещения в саратовской гостинице, добавило нам тревоги. Ни Алина Максимовна Шепелева, ни Евгения Сергеевна Потапова не регистрировались ни в одной из больниц города и области. Юра связался с местной милицией, порасспросил их про угнанную машину, но никакой новой зацепки это не дало. С руля и с других поверхностей внутри автомобиля были сняты отпечатки пальцев, но толку от этого не было никакого — сравнить отпечатки было не с чем.

— Ну что ж, едем в рабочий поселок. — принял решение Юрик и мы все снова забрались в его могучий «джип».

Кроме нас троих и водителя Саша Юра взял в поездку своего оперативника Дмитрия. Это был крупный мужчина, под стать своему начальнику, но очень молчаливый. За весь неблизкий путь до Саратова он едва ли сказал три слова. Ну, да и нам тоже было не до

болтовни.

До рабочего поселка доехали за двадцать минут, но зато нужный дом искали долго. Саша уже предположил, что адрес нам дали неправильный, но глазастая Танька при очередном развороте углядела маленькую аккуратную постройку, обшитую рейкой и с резными наличниками на окнах. Домик стоял на отшибе, и несведущему человеку было трудно догадаться, что он завершает улицу Добровольцев, которую мы исколесили вдоль и поперек.

Было решено, что к Евгении Сергеевне сначала пойдем мы с Татьяной, но заходить в дом не будем, а поговорим с ней на крыльчке, чтобы мужчины видели нас из автомобиля. Дальше договорились действовать по обстоятельствам, но Юрик снова строго запретил нам всякую самодеятельность.

Я шла и смотрела на редкий забор, окружавший дом. Что-то в нем было не так, как будто чего-то не хватало. Наконец до меня дошло — в заборе не было ворот, а только узкая калитка, запирающаяся на деревянную вертушку. Значит, у хозяев нет машины, подумала я, гордясь своей наблюдательностью. Татьяна уже взялась рукой за вертушку, когда я схватила ее за плечо и резко потянула к себе.

— Ты чего? — удивилась Танька.

— Смотри. — кивнула я вглубь двора.

Там находилась огромная собачья будка, таких больших я еще не видела, а рядом с будкой, вытянувшись в струнку и не спуская с нас глаз стояли две крупные собаки темно-коричневой масти.

— Подумаешь. — небрежно сказала подруга и снова потянулась к калитке.

— Стой! Ты что не видишь в каком они напряжении? — зашипела я. — Собачница фигова!

— Да меня в жизни ни одна собака не укусила. — обиделась Танька.

А ведь правда, ни одна и ни разу. От самой Таньки животные страдали сплошь и рядом, но ей от них пострадать не пришлось. Пока. Увидев нашу заминку, Юрик поспешил на помощь.

— Ого! Серьезные собачки! — уважительно покачал он головой.

— Доберманы. — сказала Татьяна. — А точнее, доберманы-пинчеры — короткошерстные служебные собаки из породы пинчеров.

Юрик удивленно взглянул на мою подругу.

— Она знает. — кивнула я.

— И что же нам делать с этими пинчерами? — спросил Юрик.

Вопрос повис в воздухе.

И тут неожиданно возле нас очутилась молодая женщина в домашнем халате и тапочках.

— Вы к Сергеевне что ли? — громко спросила она, перекрикивая хриплый собачий лай, и не дожидаясь ответа толкнула калитку. — Идите, не бойтесь, тетя Женя дома.

Мы опасливо направились к крыльцу следом за Юрой и я перевела дух только в полутемных сенях. На стук в дверь никто не отозвался и Юрик, перестав церемониться, вошел в дом. Мы не успели даже оглядеться, как из смежной комнаты появилась Евгения Сергеевна собственной персоной.

— Ой, какие гости! — разулыбалась она, но глаза выдавали тревогу и испуг. — Танечка, и ты тут, и Юрочка! А Алиночка где, почему с вами не приехала?

— А разве она не у вас? — спросил Юра, опускаясь на табуретку возле стола.

— У меня? — удивлению тетушки не было предела. — Почему она должна быть у меня?

Я вернулась одна.

— А почему уехали даже не попрощавшись? — задала я свой вопрос.

— Так подумала, чего я буду людям мешать, в семье такое горе, вот и уехала потихоньку.

— Какое горе? — резко спросил Юра.

— Как же? Кормилец помер, разве это не горе? — попыталась всплакнуть Евгения Сергеевна, но от страха глаза ее были сухими и постоянно перебежали с моего лица на Юркино.

— Почему вы думаете, что он умер? — наш частный сыщик явно старался выбить женщину из колеи.

— Как же, ведь Марьяна сказала ...

— Только то, что меня вызвали на опознание в и больше ничего. — перебила я.

И тут Евгению Сергеевну прорвало.

— Не знаю я никаких ваших дел, у меня своих хватает! Если в гости приехали — милости просим, я и чай поставлю, а если с какими претензиями, то не имеете права! Я законы знаю и попрошу вас из моего дома уйти! Мне все равно кто ты, мил человек, сыщик или охрана какая, а права не имеешь! — и она гневно ткнула пальцем в сторону хмурого Юрика.

Мы с Танькой молчали и только хлопали глазами, ошарив от такой неожиданной наглости. Я злорадно подумала, что сейчас тетушке достанется от Юрика и удивилась, когда он поднялся с табуретки и кивнул нам на дверь.

— Пошли отсюда.

Мы послушно пошагали за ним, а в спину нам несло.

— Вот и правильно, вот и идите! А то ишь ты — Алину им подавай! Девчонка может с друзьями где загуляла, а они сразу к тете Жене примчались. Адрес-то как отыскиали?

Визгливые крики действовали мне на нервы и я жалобно пискнула в Юркину спину.

— Юр, мы куда?

— Все потом. — не оборачиваясь буркнул он и молча довел нас до машины, а заговорил только тогда, когда Саша вывел «джип» из проулка. — С этой истеричкой мы только время потеряем. Нужно вернуться в гостиницу и связаться с местной милицией, вот им-то она на вопросы ответит. Саша, поднажми!

Машина мчалась по загородному шоссе и скорость водитель сбросил уже почти у самой гостиницы. Мы с Юриком отправились в свой номер, а Танька ушла к себе, сказав, что придет через десять минут, но появилась гораздо раньше — запыхавшаяся и с вытаращенными глазами. Юрка как раз в этот момент договаривался с кем-то из местных стражей порядка о помощи и бормотал в телефонную трубку слова благодарности.

— Там! Там! ... — заорала Танька, тыча пальцем куда-то в пространство.

— Господи, что случилось? — подскочила я к ней.

— Алька! Там!

— Минуточку. — сказал собеседнику Юра и прикрикнул на Таньку. — Говори спокойно, где Алька?!

Подруга замерла на мгновение и вдруг показала на телевизор.

— Там. Я включила, идут новости, говорят про какого-то местного депутата. Его

избили, он попал в больницу, а там Алька. — отрывисто бормотала Татьяна.

— Включи! — скомандовал мне Юрик и я кинулась к телевизору.

— Пятая кнопка. — подсказала Таня.

Телевизор нагрелся и мы увидели заставку местного новостийного канала. Сами новости уже закончились. Я в отчаянии повернулась к Юре и услышала как он быстро говорит в трубку.

— Да, на пятой кнопке. Только что закончились новости и там был сюжет про избитого депутата и про больницу. Наш человек увидел в кадре девочку, которую мы как раз разыскиваем. Хорошо, жду.

Юрик положил трубку и взглянул на нас.

— Сейчас будут выяснять. Тань, расскажи подробнее, что ты там увидела?

— Сначала показали, как какого-то мужика везут на каталке, потом сказали, что это местный депутат и побили его, очевидно, по политическим мотивам. А напоследок камера медленно обвела комнату и я увидела Альку.

— Слушайте, а может быть здесь есть еще один местный канал. — осенило меня и я начала щелкать кнопками, но все было безрезультатно.

Танька снова ушла в свой номер, сказав, что пока будет просматривать все каналы. Юрик тоже устроился перед телевизором, придвинув поближе телефон, а я отправилась в ванную поплакать. Напряжение последних часов давало себя знать, а при своем любимом не хотелось демонстрировать женские слабости. Немного разрядившись, я умылась, причесалась и вернулась в комнату. На мой немой вопрос Юрик отрицательно покачал головой, мол, не звонили. Позвонили только через полчаса. Юра выслушал информацию, положил трубку и встал из кресла.

— Зови Таню, мы едем на телевидение просматривать сюжет. Надо убедиться, что это действительно Алина.

Немного поплутав по незнакомому городу, Саша все-таки вывез нас к зданию телецентра, утыканному всевозможными антеннами. Нужную студию оказалось найти еще сложнее в немыслимом количестве коридоров и переходов. Наконец очень молоденькая, но очень серьезная девушка запустила для нас нужный сюжет и мы, почти не дыша, уставились на один из многочисленных экранов.

Сначала показали вход в приемный покой, потом сам приемный покой, где на носилках лежал довольно крупный мужчина, отвернув лицо от назойливой камеры оператора. Комментарий я почти не слушала, потому что с жадностью ловила взглядом каждого нового человека, попавшего в кадр.

— Вот, сейчас будет! — вскрикнула Таня, а я замерла.

Камера двигалась слева направо и на короткое время остановилась на фигурке молодой девушки. Это была Алька! Она с любопытством смотрела в объектив и на губах у нее играла легкая улыбка. У меня отлегло от сердца, потому что всего несколько часов назад моя девочка была жива и здорова.

— Стойте! — вдруг скомандовал Юра. — Можно отмотать немного назад?

Серьезная девушка нажала несколько кнопок и на экране замелькали кадры в обратном порядке.

— Вот, здесь. — сказал Юрик и мы все снова уставились на экран.

Камера шла по кругу, улыбалась Алька — вроде бы все ясно.

— Стоп! Вот она. — и Юра показал на женщину, которую видно было только со

спины. — Ваша любвеобильная тетушка.

Я присмотрелась и тихонько ахнула. Это была Евгения Сергеевна без всякого сомнения, мне даже не нужно было видеть ее лицо. В этот момент от двери прозвучал голос.

— Девушка, будьте добры, скопируйте нам эту часть сюжета.

Мы были так увлечены, что даже не услышали, как в комнату кто-то вошел.

— Капитан Сербылев. — представился всем сразу высокий молодой мужчина в гражданской одежде. Потом он протянул руку Юре. — Это со мной вы говорили по телефону.

Мужчины обменялись рукопожатиями и капитан продолжил.

— Я отправил своих ребят к Потаповой Евгении Сергеевне, но ее к этому моменту уже не было дома. А сейчас, как я понимаю, мы поедем в больницу. — и он кивнул на экран телевизора.

— Да, спасибо, мы готовы. — сказал Юра, а строгая девушка в это время уже протягивала капитану видеокассету с записью.

Юра было открыл рот, чтобы что-то спросить, но капитан опередил его.

— Я уже выяснил что это за больница, так что не будем терять время.

Мы поблагодарили девушку, на что она неожиданно тепло пожелала нам удачи, и отправились к машинам. Милицейский «жигуленок» показывал дорогу нашему «джипу» и через двадцать минут мы въехали в больничный двор, а я сразу узнала двери приемного покоя, которые хорошо были видны на видеопленке.

— Марьяна, Таня! — повернулся к нам Юра. — Вы остаетесь в машине.

— Но как же? — возмутилась я.

— Это не обсуждается. — строго сказал Юрик.

— Ладно. — буркнула я, и добавила. — Только я долго не выдержу.

Любимый одарил меня красноречивым взглядом и вышел из машины. Потянулось томительное ожидание. Танька ерзала, но молчала, понимая, что нервы у меня взвинчены до предела. Я же шарила глазами по освещенным окнам больничных палат и сквозь напольные сумерки пыталась рассмотреть лица людей, проходящих мимо машины. На крыльце появился Юра, быстрым шагом подошел к «джипу» и распахнул дверь с моей стороны.

— Марьяна, выходи. А ты оставайся. — махнул он рукой на изготовившуюся Таньку.

Юра потянул меня за собой и на ходу заговорил.

— В журнале регистрации ее имени нет и вообще нет ни одной пациентки младше двадцати трех лет. Капитан Сербылев сейчас обрабатывает дежурного врача, чтобы тот проводил нас по всем палатам. Я побоялся, что не сразу узнаю Альку, ведь я видел ее только на пленке, так что пойдем все вместе.

В этот момент мы вошли в приемный покой, где молодой капитан беседовал с пожилым доктором. Доктор был явно недоволен и мы услышали конец его фразы.

— ... да и заведением сейчас здесь, он будет неприятно удивлен, что по палатам ходят посторонние.

Капитан оглянулся на нас и сказал врачу.

— Это мать пропавшей девочки.

Мужчина несколько секунд смотрел в мои больные умоляющие глаза и наконец буркнул.

— Идемте, я сам вас провожу.

Мы шли по больничному коридору и заглядывали во все женские палаты. Заходили в них только я и доктор, причем он делал вид, что пришел справиться о самочувствии пациенток. Так мы прошли примерно восемь палат, пока не остановились у двери с надписью БОКС № 1. Врач подергал дверь, она была заперта. В это время из соседней палаты вышла медсестра с металлическим подносом в руках, на котором были разложены лекарства.

— В боксе кто-нибудь лежит? — спросил ее доктор.

— Да, девочка молоденькая. Ее Валерий Андреевич забрал.

У меня екнуло сердце. Врач посмотрел в мою сторону и снова обратился к медсестре.

— Молоденькая — это сколько?

— Да совсем еще девчонка, лет пятнадцать, наверное.

— Они могут быть только в операционной. — повернулся к нам доктор.

— Быстро в операционную. — капитан даже схватил доктора за локоть, но тот не стал возмущаться, а ринулся вперед по коридору, показывая дорогу. Медсестра проводила нас удивленным взглядом.

Операционная располагалась в другом крыле, мы практически бежали, пугая прогуливающихся по коридору пациентов.

— Это там. — доктор на ходу протянул руку, показывая на большую двустворчатую дверь.

Но я смотрела не на дверь, а на женщину, которая при нашем приближении стала медленно подниматься с диванчика. Она узнала нас и пронзительно закричала: «Нет!!!». Потом метнулась к двери в операционную и загородила ее собой, широко расставив руки и продолжая кричать.

— Не пуцу! Пошли все вон!

— Господи, это еще что такое? — опешил доктор.

— Это мы берем на себя. — коротко сказал капитан и кивнул Юре.

Они вдвоем оттащили Евгению Сергеевну от двери, что сделать было совсем не просто, потому что она отчаянно вырывалась, брыкалась и выла, брызгая слюной.

— Идите скорей! — крикнул капитан доктору.

Мы вдвоем ворвались в операционную и увидели врача и медсестру, которые испуганно таращились на нас поверх марлевых повязок. На операционном столе лежал мужчина и тоже смотрел на нас круглыми глазами. Я была очень возбуждена, но подумала, что этого мужчину я уже где-то видела, а в следующую секунду вспомнила полного одутловатого человека, который обеими руками бросал землю на гроб Максима.

— Николай Петрович, в чем дело?! — пришел в себя хирург. — Кто вам позволил врываться?!

— Да вот, Валерий Андреевич, понимаете... — залопотал наш проводник, а я осматривала операционную и с отчаянием думала, что и здесь нет Алины.

В комнату стремительно вошел капитан.

— Да что это такое? — снова попытался возмутиться хирург, но увидев раскрытые милицейские корочки, замолчал и как-то съежился.

— Ее здесь нет. — повернулась я к капитану и тут робкий доктор Николай Петрович неожиданно спросил.

— А кто на втором столе? — и показал рукой куда-то за спины хирурга и онемевшей медсестры.

Капитан обошел остолбеневших медиков и через секунду поманил меня рукой. Действительно, за их спинами стоял второй операционный стол, даже скорее его можно было назвать каталкой, а на ней лежала моя Алька. Бледненькая и с закрытыми глазами.

— Боже мой, что с ней! — крикнула я.

— Что с ней?! — рявкнул на хирурга капитан.

Валерий Андреевич испуганно вздрогнул и даже попытался загородиться руками, так свирепо смотрел на него милиционер. Но все-таки пробормотал.

— Ничего пока, просто ей дали наркоз.

В этот момент мужчина на первом операционном столе, пытавшийся хоть что-нибудь разглядеть в этой суматохе, тяжело, с тупым стуком уронил голову на голубую простынку и затих. У капитана Сербылева округлились глаза, а хирург поспешил с разъяснениями.

— Ничего страшного, ему тоже ввели наркоз, просто только что подействовало.

* * *

Уже сутки, как мы вернулись домой. Алька благополучно вышла из наркоза, но почти все время спала и отказывалась от еды. Я бродила по квартире, постоянно подходила к кровати, чтобы убедиться, что Алина дышит, и ждала прихода Юрика. Он звонил несколько раз, справлялся о самочувствии моем и девочки, но говорил, что приехать пока не может, так как должен получить полную информацию о нашем деле.

Я снова подошла к кровати и опустилась на краешек. Алина спала не спокойно, бледные веки ее подрагивали, глазные яблоки за ними бегали из стороны в сторону. Лицо осунулось, а нос слегка заострился. Я смотрела на дочку Максима и острая жалось сжимала мне сердце. Именно в этот момент, когда Алина была такой беспомощной я поняла, что даже родную дочь я не смогла бы любить сильнее, чем этого чужого ребенка. Хотя я и была ей неплохой мачехой, но с этого момента для меня время падчериц и мачех прошло. Начинается время дочек и матерей. И тут Алина открыла глаза, поводила сонным взглядом по комнате и увидела меня. Наверное с моего лица еще не совсем сошло выражение щемящей любви, потому что Алька порывисто обняла меня и прошептала в самое ухо.

— Мама.

Мы ревели минут десять, размазывая слезы по припухшим физиономиям и глупо при этом улыбаясь.

— А ты меня усыновишь официально? — неожиданно спросила Алина.

— Нет. — помотала я головой.

— Почему? — опешила девочка.

— Потому что я тебя официально удочерю. — и мы снова разревелись, крепко обнявшись.

Юрик пришел, когда мы собирались пить чай. Кое-что о своем заботливом друге я Алине рассказать успела, поэтому знакомство самых дорогих мне людей прошло легко и спокойно. Когда все напились чаю, Юрик собрался приступить к захватывающему повествованию, но я показала ему глазами на Альку.

— Ну, Марин! — возмутилась она, а мой любимый мужчина поддержал ее, напомнив свои же собственные слова о том, что Алина уже большая и скрывать от нее ничего не нужно.

Так как о самом страшном во всей этой истории — смерти отца — Алька уже знала, то

я смирилась и позволила Юрику рассказать при ней все. Привожу здесь его рассказ в чистом виде, опуская наши с Алиной «ахи» и «охи», а также всевозможные вопросы.

Евгения Сергеевна билась в истерике до тех пор, пока ее не посадили в милицейскую машину. Там она злобно замкнулась и молчала весь путь до нашего города. Даже в кабинете следователя поначалу отказывалась отвечать на вопросы, но, когда узнала, что ее сын Саша отходит от наркоза в этом же здании, ее прорвало.

— Не трогайте Сашу, он серьезно болен, ему требуется операция! И вообще, он ни в чем не виноват!

Следователь тут же поведал женщине, что в ее доме был произведен обыск. В сундуке под бельем нашли вещи, принадлежавшие убитому водителю Шепелеву Максиму Андреевичу. С вещи сняли отпечатки пальцев, которые сравнили с отпечатками, полученными в кабине фургона. Десять минут назад эксперт подтвердил, что эти отпечатки принадлежат ее сыну Александру и ему будет предъявлено обвинение в убийстве.

— Какой же он дурак. — с чувством сказала Евгения Сергеевна и с этого момента стала отрешенно отвечать на вопросы.

У Сашеньки с детства были проблемы с почками и еще тогда врачи сказали, что избежать пересадки органов вряд ли удастся. С мужем она развелась уже много лет назад, но до сих пор тот принимал участие в судьбе сына, тем более, что в материальном плане был более чем обеспечен. Когда возмужавший Саша начал всерьез страдать от своего хронического заболевания, Евгения Сергеевна попыталась организовать для него операцию по пересадке почки. Александр сдал все анализы, деньги на операцию отец был готов заплатить, но вмешалась судьба-злодейка. Оказалось, что чужие донорские органы в организме Саши не приживутся. Нужны только родственные по крови. Евгения Сергеевна тут же самоотверженно предложила свою почку и, заочно, почку биологического отца, но этот вариант тоже не подошел по причине медицинских противопоказаний. Вот тогда Евгения Сергеевна и вспомнила о своей двоюродной сестре Лене, с которой уже много лет была в ссоре. Лена молодая, никогда раньше ничем серьезным не болела, так что вполне могла сгодиться на роль донора. Евгения Сергеевна стала наводить справки и узнала, что безнадежно опоздала — Елена умерла в родах. И тогда в голову пришла страшная мысль, что единственным подходящим донором для Саши могла стать дочь покойной Елены. Но эту дочь еще предстояло отыскать, так как молодой вдовец с грудным ребенком уехал в неизвестном направлении.

На поиски ушло несколько лет, но результатов не было — Максим и Алина как в воду канули. Евгения Сергеевна продолжала поддерживать угасающее здоровье сына дорогими лекарствами и с болью смотрела, как его донимают отеки, одышка и разные сопутствующие болячки. И тут судьба сжалилась над ними — женщина совершенно случайно увидела в придорожном кафе Максима, которого узнала по единственной фотографии, напросилась в кабину и доехала с ним до самого его дома. Конечно Максим даже не догадывался, что с ним в кабине едет двоюродная сестра его умершей жены.

Дальше все было как в добротном детективе. Евгения Сергеевна выследила Алину, Саша тихонько сфотографировал ее на улице, вместе придумали легенду и машина смерти начала свое движение. Первым должен был умереть Максим, чтобы у девочки не осталось никакой защиты. Меня особо в расчет не брали, так как считали, что мачехе не должно быть дела до чужого ребенка. Александр, по мнению матери, справился с задачей блестяще, только вот,

дурак, позарился зачем-то на вещи Максима. Хирургу местной больницы Валерию Андреевичу Широкову заплатили очень большие деньги, так как фактически он согласился убить шестнадцатилетнюю девочку, потому что пересадить требовалось сразу обе почки. Почему врач, моральный кодекс которого базируется на клятве Гиппократата, пошел на такое преступление, следствию еще предстояло выяснить. Опоздай мы хотя бы на полчаса и Алину вряд ли удалось бы спасти.

Я была ошарашена услышанным не меньше Альки и долго сидела возле нее, поглаживая по волосам. Юрик посмотрел на наши печальные физиономии, вздохнул и вышел в прихожую, откуда вернулся с большим фирменным пакетом.

— Может быть вы не будете так грустить, если узнаете, что у меня для вас подарки? — спросил он и протянул каждой из нас по нарядной коробке.

Первой догадалась Алька.

— Это же сотовый телефон! — закричала она и в ее руках появилась изящная серебристая трубка.

У меня тоже был телефон, только трубка матово отливала темно-синим цветом. Ну и Юрик! Запомнил, как я когда-то сказала, что если у меня будет мобильник, то ни в коем случае не золотой и не серебряный. Я повисла у любимого на шее, а Алина подошла сбоку и прижалась ко мне, благодарно глядя на огромного чужого дядю, который неожиданно оказался замешанным в ее короткую еще, шестнадцатилетнюю жизнь.

— Я хочу, чтобы мои девочки всегда имели возможность со мной связаться. — растроганно пробормотал Юрик.

Алька посмотрела на нас внимательным взглядом, потом отошла в сторону и серьезно спросила.

— Мы теперь будем жить вместе?

— Если Марьяна не возражает. — смущенно посмотрел на меня Юра.

— Если ты будешь не против. — сказала я Альке.

— Я не против. — подумав, ответила она. — Только отвезите меня на папину могилу.

Юра поцеловал меня в щеку, подошел к девочке, поцеловал ее куда-то в челку и сказал.

— Поехали.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net